

Диана Фурсова

Замуж
ЗА
МИЛЛИАРДЕРА

Диана Фурсова

Замуж за миллиардера

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Замуж за миллиардера / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Переводчица Вера Ларионова привыкла жить по правилам: не просить, не унижаться, не зависеть. Но одна ночь ломает всё — её брат Илья подписывает бумаги «не глядя», и к утру на него вешают два миллиона долга. У Веры нет времени на гордость, зато есть встреча, которая звучит как приговор: PR-директор Марта предлагает «выход», и цена за спасение семьи — брак по контракту. Максим Романов — миллиардер без улыбки, человек контроля и холодных решений. Ему нужна жена не для любви, а как щит: против совета директоров, корпоративных ударов и шантажа, который уже активировался. Вере — безопасность брата и шанс вытащить семью из петли. Ему — идеальная легенда и лояльность. Всё честно. Всё цинично. Всё опасно. Только легенды трещат, когда рядом слишком много власти, слишком много чужих глаз и слишком мало доверия. Светская Ева играет тонко и жестоко, совет давит, Князев улыбается слишком уверенно, а каждая утечка бьёт по сердцу так, будто метит именно в Веру. Этот брак должен быть фикцией... но почему тогда он защищает её так, словно она — единственное, что нельзя потерять? Когда ты становишься женой миллиардера по договору, главное — не перепутать подпись с выбором.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь, которая ломает правила	5
Глава 2. Миллиардер без улыбки	10
Глава 3. Контракт на брак	17
Глава 4. Переезд в чужую жизнь	24
Глава 5. Уроки лжи	31
Глава 6. Враг с идеальным маникюром	37
Глава 7. Свадьба как пресс-конференция	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1. Ночь, которая ломает правила

Вера не любила ночи.

Днём всё хотя бы притворялось нормальным: люди спешили, улицы шумели, звонки прикрывали тишину. Ночью тишина становилась честной. И от этой честности хотелось спрятаться.

Телефон завибрировал в половине первого.

Номер брата.

Она подняла сразу — даже не успела подумать, что это может быть кто-то другой.

— Вер... — голос Ильи был хриплым, будто он долго молчал или кричал. — Ты не спишь?

— Сплю, конечно, — соврала она на автомате. — Что случилось?

Пауза затянулась. Слишком длинная для “ничего”. Вера уже знала это его молчание: когда он ищет слова, чтобы не ударить больно, но всё равно ударит.

— Я... мне нужна твоя помощь.

Вера села на кровати. Холод пола полез под ступни, как предупреждение.

— Где ты?

— В... в приёмном отделении. Я в больнице, Вер. Только не паникуй, ладно?

Ничего не бросало Веру в панику так быстро, как фраза “только не паникуй”.

— Что с тобой? Ты ранен?

— Да ерунда. Порез. Наложили швы. Я нормально. Тут другое...

Она закрыла глаза. Внутри вспыхнула злость — на него, на мир, на то, что он всегда умудрялся “вляпаться” без злого умысла, просто по доброте.

— Илья, говори.

Он втянул воздух.

— Они... они сказали, что я должен. Что я подписал. Что если я не... — он сбился, — если я не закрою это до утра, будет хуже.

“Они” — самое опасное слово. У “они” никогда нет лица, только требования.

— Кто “они”?

— Из компании. Юристы. И ещё... — он замолчал. — Вер, я не хотел тебя втягивать. Я думал, решу сам.

Вера встала. Схватила джинсы со стула, натянула, даже не попав ногой в штанину с первого раза.

— В какой ты больнице?

— В городской... на Садовой.

Она уже искала ключи, когда услышала:

— Только... не приходи одна.

Вера замерла.

— Почему?

Илья выдохнул так, будто сдавался.

— Потому что я дурак. И потому что там был... какой-то мужик. Не врач. Он сказал, что “вопросы надо решать быстро”, и что “семья отвечает за семью”.

Вера медленно прислонилась к стене. Её пальцы побелели на телефоне.

— Он угрожал?

— Нет. То есть... не прямо. Просто улыбался. И сказал, что если деньги не появятся, начнутся “официальные процедуры”. А у меня... у меня же подписано.

— Что подписано, Илья?

— Бумаги. По поставке. Я не глядя. Там на столе было... “обычная форма”. Я доверился.

Сердце Веры ударило сильнее, будто пыталось вырваться из груди и убежать вместо неё.

— Ты подписал что-то не глядя.

— Вер, я...

— Сколько?

Илья не ответил сразу. Вера услышала, как он сглатывает.

— Два миллиона.

Она не закричала. Даже не выругалась. Просто почувствовала, как всё внутри становится пустым, словно кто-то выдернул из неё воздух.

— Два миллиона чего? — голос прозвучал удивительно ровно. — Рублей?

— Да.

Вера почти рассмеялась — беззвучно, пусто. Два миллиона. Не кредит на стиральную машину. Не “одолжи до зарплаты”. Два миллиона — сумма, которую нормальные люди не “собирают”, её либо имеют, либо нет.

— Они сказали, что если я не погашу до утра, они... — Илья снова запнулся, — они подадут в суд и... там будет что-то про “умысел”. Я не понимаю. Вер, я правда не хотел... Я просто хотел подработать, чтобы...

— Чтобы помочь мне, — закончила она за него и ощутила, как злость разливается по венам. — Ты хотел помочь мне.

— Ну да. Я думал...

— Ты думал, что один можешь быть героем, — Вера закрыла глаза. — Ладно. Я еду.

— Вер...

— Молчи. Я еду.

Она сбросила вызов и уже через минуту спускалась по лестнице — лифт был слишком медленным для такого.

Ночной город встретил её холодом и светом витрин. Казалось, что всё вокруг живёт своей жизнью — и только у неё в руках сейчас треснула реальность.

Такси привезло её к больнице быстро, но время всё равно тянулось, как резина. В приемном отделении пахло лекарствами и усталостью. Люди сидели на стульях, кто-то держал лед на щеке, кто-то шептал в телефон, кто-то просто смотрел в одну точку.

Илья сидел у стены с забинтованной ладонью и виноватым выражением лица. Когда увидел Веру, встал неловко — как ребёнок, которого застали на месте преступления.

— Прости, — сказал он сразу.

Вера подошла и, не говоря ни слова, осмотрела его — лицо целое, глаза трезвые, ладонь перебинтована. Внутри чуть отпустило.

— Покажи, — потребовала она.

Он послушно протянул руку.

— Порезался на складе, — пробормотал. — Коробка... там скоба...

— Это не главное, — Вера понизила голос. — Кто приходил?

Илья оглянулся, будто боялся, что его услышат.

— Мужик в костюме. Не здешний. Он сказал, что он “представитель”. И что пока всё “можно решить мирно”.

— Имя?

— Не сказал. Только... — Илья поморщился, — у него была визитка. Я её... я положил в куртку.

Вера сняла с него куртку, как с подростка, и полезла в карман. Визитка была плотной, тёмной, без лишних украшений. Только имя и должность, и номер телефона.

Сергей Князев. Советник.

Ни названия компании, ни логотипа. Как будто человек существовал сам по себе.

Вера провела пальцем по буквам. Холодная типографика. Холодная уверенность.

— Это не юрист с рынка, — тихо сказала она.

— Он сказал, что с утра приедет ещё раз, — Илья поспешно добавил. — И что лучше, если ты будешь... готова “к разговору”. Вер, я не хочу, чтобы ты...

Вера резко подняла взгляд.

— Илья. Ты понимаешь, что это может быть ловушка?

Он опустил голову.

— Я понимаю, что я идиот.

— Ты не идиот, — Вера сжала визитку так, что она почти согнулась. — Ты доверчивый. Это хуже.

Илья вздрогнул.

— Что нам делать?

“Нам” звучало так, будто Вера могла сейчас просто встать и решить. Она всегда решала. За двоих. За троих. За всех.

Но два миллиона не решались характером.

Вера глубоко вдохнула.

— Слушай меня, — сказала она. — Сейчас ты пойдёшь домой. Отсыпаться. Никаких разговоров с “представителями”. Если кто-то звонит — не берёшь. Если кто-то приходит — дверь не открываешь.

— А ты?

Вера посмотрела на часы. Половина второго. До утра — пять часов. Она представила свои счета, свою зарплату, свои “сбережения”, которые были смешны даже без этого кошмара. Представила маму, которая и так держалась из последних сил. Представила, как Илья сидит в суде и пытается объяснить, что подписал “не глядя”.

Она ненавидела себя за то, что следующая мысль оказалась не про закон, не про справедливость, а про одно единственное слово: **деньги**.

— Я найду выход, — сказала Вера. И это прозвучало как обещание, которое она не имеет права нарушить.

Илья уцепился за неё взглядом, как за спасательный круг.

— Я клянусь, Вер, я всё верну. Я буду работать ночами...

— Хватит, — отрезала Вера мягче, чем хотела. — Сначала выживем. Потом вернёшь.

Она вывела его к выходу, посадила в такси, дождалась, пока машина уедет, и только потом позволила себе на секунду опереться ладонью о холодный стеклянный тамбур.

В груди было пусто. В голове — гул.

Найду выход.

Её выходов было ровно три.

Первый — банк. Кредит. Даже два. С её доходом ей дадут... смешное. И точно не за ночь.

Второй — друзья. У неё не было друзей, которые могли бы закрыть два миллиона. И даже если бы были — она не могла просить. Это правило стояло между ней и унижением, как стена.

Третий...

Вера достала телефон. Открыла контакты. Пролистала вниз до имени, которое не трогала уже давно — как если бы оно могло обжечь через экран.

Марта.

Она помнила её лицо: холодная профессиональная улыбка, ровные движения, взгляд, который видит людей как задачи. Марта была из другого мира. Из мира, где два миллиона — это цифра в таблице.

Вера несколько секунд смотрела на имя, будто оно могло исчезнуть, если она моргнёт.

Не просить.

Это правило было таким же старым, как её взрослая жизнь. Правило спасало её от жалости, от долгов, от чужой власти.

Но Илья только что произнёс: “семья отвечает за семью”.

Вера нажала вызов.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Да? — голос Марты был бодр и точен, как будто ночь для неё — просто ещё одна строка в расписании.

Вера сглотнула.

— Марта... это Вера Ларионова.

— Я узнала, — пауза. — Что случилось?

Вера ненавидела, что у неё дрогнул голос.

— Мне нужна работа. Срочно. Сегодня. Любая.

На другом конце не было удивления. Только тишина — короткая, оценивающая. Как взгляд, которым измеряют стоимость вещи.

— Любая не получится, — сказала Марта спокойно. — Но есть вариант.

Вера закрыла глаза. Сердце колотилось так, будто понимало раньше головы.

— Какой?

— Вам придётся согласиться на условия, которые вам не понравятся.

— Мне сейчас всё не нравится, — Вера попыталась улыбнуться, но получилось только напряжение. — Говорите.

Пауза стала чуть длиннее. И в этой паузе Вера вдруг отчётливо поняла: если она сделает шаг, дальше будет не её территория.

— Вера, — голос Марты стал ниже. — Вам нужна сумма?

Вера не ответила. Это был не вопрос. Это было попадание.

— Да.

— Сколько?

Вера назвала цифру. Даже вслух она звучала чужой.

Марта не ахнула. Не засмеялась. Не спросила “зачем”.

— Поняла, — сказала она. — Тогда слушайте внимательно. Встреча через час. Адрес сейчас отправлю.

Вера судорожно выдохнула.

— Что за встреча?

— С человеком, который может закрыть ваш вопрос быстро.

— И какие условия?

Марта замолчала. На секунду Вере показалось, что связь оборвалась. Но потом Марта заговорила — ровно, как хирург перед разрезом.

— Вам придётся стать женой Романова.

Вера моргнула.

— Простите... кого?

— Максима Романова, — повторила Марта. — Того самого.

У Веры в груди что-то сжалось до боли.

Она знала фамилию. Её знали все. Она мелькала в новостях, в бизнес-обзорах, в светских хрониках — как символ денег, власти и людей, которые не извиняются.

— Это шутка? — голос Веры стал слишком тонким.

— Нет, — Марта не улыбалась даже голосом. — Это контракт.

Вера рассмеялась — коротко, без радости. Смеяться было проще, чем признать, что мир сошёл с ума.

— Зачем ему... жена?

— Чтобы не потерять компанию, — сказала Марта. — И чтобы перекрыть одну неприятную историю.
Пауза.
— Он выбирает меньшее зло. Сегодня оно — вы.

Вера прижала ладонь ко лбу. Ледяной пот выступил на висках.

— А если я откажусь?

— Тогда вы продолжите жить по своим правилам, — спокойно ответила Марта. — И решать проблему сами.

Вера посмотрела на тёмные окна больницы. Там, за стеклом, кто-то спал после операции. Кто-то ждал результатов. Кто-то держал чужую руку, чтобы не сойти с ума.

Илья.

Пять часов до утра.

— Где встреча? — спросила Вера тихо.

Ответ пришёл сразу — сообщением. Адрес. Время. И ещё одна строка, как укол:

“Не опаздывайте.”

Марта добавила напоследок, чуть мягче, чем прежде:

— Вера... Романов не умеет проигрывать. И не умеет отпускать то, что однажды стало его.

Связь оборвалась.

Вера стояла на холодном крыльце больницы, с телефоном в руке, и понимала: она только что согласилась переступить линию, которую сама рисовала годами.

Не просить.

Она попросила.

И теперь её просьба стоила слишком дорого.

Вера подняла взгляд на ночной город — огни дрожали, будто кто-то разлил по небу жидкое золото.

Она сделала шаг вперёд.

И впервые за долгое время подумала не о том, как выжить, а о том, что будет, если она... уже не сможет вернуться.

В следующую секунду телефон снова завибрировал.

Незнакомый номер.

Вера посмотрела на экран — и от неожиданности у неё похолодели пальцы.

Сообщение было коротким:

“Мы ждём деньги к утру. Семья отвечает за семью.”

Глава 2. Миллиардер без улыбки

Адрес, который прислала Марта, не имел ничего общего с теми местами, где Вера бывала раньше.

Не жилой дом. Не офис-центр с вывесками. Просто стекло и бетон в глубине двора, охрана у шлагбаума и тишина, в которой слышно, как сыплется снег с веток.

Такси остановилось на безопасном расстоянии, будто боялось подъехать ближе. Вера расплатилась, вышла и сразу почувствовала, как ночной воздух режет щёки. Телефон в руке был тёплым, но это не спасало.

На экране мигало последнее сообщение с неизвестного номера:

“Мы ждём деньги к утру. Семья отвечает за семью.”

Она не удаляла его — не из мазохизма, а потому что так было честнее. Страх лучше держать перед глазами, чем делать вид, что его нет.

У шлагбаума её встретил мужчина в тёмной куртке и с гарнитурой в ухе. Он не спросил “куда”, не спросил “к кому”. Он спросил:

— Вера Ларионова?

От того, что её имя здесь знали, по позвоночнику пробежал холодок.

— Да.

— Документ.

Она протянула паспорт. Мужчина проверил — быстро, без лишней театральности. Потом кивнул и открыл калитку в ограждении.

— Прямо. Лифт на второй. Вас ждут.

“Вас ждут” прозвучало как “вам уже не отвертеться”.

Вера пошла, слыша, как каблуки отбивают шаги по мокрому камню. На входе — ещё один пост, ещё одна проверка. Турникет пропустил её после короткого писка, будто и он оценивал, стоит ли пускать.

Внутри пахло не кофе и не людьми, а деньгами. Странно, но Вера знала этот запах: чистое дерево, дорогой металл, кондиционированный воздух.

Лифт поднял её на второй этаж. Двери открылись в пустой коридор с мягким светом. По стенам — картины без ярких красок, будто эмоции здесь были под запретом. Тишина была такая плотная, что Вера услышала собственное дыхание.

Она сделала несколько шагов — и остановилась, увидев Марту.

Та стояла у двери переговорной, словно часть интерьера: строгий костюм, собранные волосы, безупречная осанка. Ни следа ночной усталости.

— Вы пунктуальны, — сказала Марта вместо приветствия.

— Я не опаздываю, когда меня ставят к стене, — Вера подняла подбородок.

Марта посмотрела на неё внимательно, не скрывая оценки. Потом открыла дверь и жестом пригласила.

— Тогда проходите. И... держите себя в руках.

Вера шагнула внутрь — и воздух будто стал тяжелее.

Переговорная была просторной, с длинным столом и панорамным окном во всю стену. Внизу мерцал ночной город: огни, как рассыпанное золото. И на фоне этого золота — мужчина у окна.

Он стоял спиной, сложив руки за спиной, и не оборачивался сразу. Высокий. Плечи широкие. Линия шеи — напряжённая, как у человека, который привык держать удар.

Вера не знала, как выглядит Максим Романов вживую. Фотографии в новостях делают людей плоскими и безопасными.

Этот был не безопасным.

Он повернулся медленно, будто давал себе секунду решить, каким взглядом на неё смотреть.

Лицо — резкое, собранное. Скулы, тень щетины, тёмные глаза, в которых не было ни одной лишней эмоции. Ни улыбки. Ни “рад знакомству”.

Его взгляд прошёлся по ней так, как Марта оценивает смету: быстро, точно, без сантиментов.

Вера почувствовала, как вспыхивает внутри раздражение — защитная реакция на чужую власть.

— Вера Ларионова, — сказал он наконец.

Голос был спокойным, низким и таким уверенным, что хотелось спорить просто потому, что он не оставлял места сомнениям.

— Да, — ответила она.

— Садитесь.

Это не было просьбой.

Вера не села. Она осталась стоять, потому что сесть — значит принять правила, а она пока не знала, какие именно.

— Я не привыкла садиться по команде, — сказала она ровно.

Марта чуть заметно напряглась. Вера краем глаза увидела, как её ладонь сжалась на папке.

Романов не изменился в лице. Только его взгляд стал чуть холоднее.

— Тогда стойте, — спокойно разрешил он. — Мне всё равно.

И это “мне всё равно” почему-то прозвучало обиднее, чем было бы: “ты мне не нравишься”. Будто её сопротивление для него — комар на стекле.

Он сел сам — в кресло во главе стола. Марта заняла место сбоку, как свидетель. На столе уже лежала папка, тонкая, но дорогая. Рядом — ручка.

Вера подошла ближе, но не села. Встала напротив.

— Мне сказали, что вы можете “закрыть вопрос”, — произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И что цена — я.

Романов посмотрел на неё так, будто она произнесла очевидное.

— Цена — сотрудничество.

— Не звучит лучше.

— Я не обязан звучать лучше, — отрезал он. — Я обязан быть эффективным.

Вера сжала пальцы.

— Эффективность — это когда вы помогаете человеку, а не покупаете его.

Уголок губ у него едва заметно дёрнулся. Не улыбка — тень реакции.

— Я ничего не покупаю. Я предлагаю сделку. Вы можете отказаться.

— Правда? — Вера наклонилась чуть вперёд. — И тогда что? Мне “официальные процедуры” устроят?

Марта сделала резкий вдох — как человек, который не любит, когда вслух произносят грязные слова в чистом помещении.

Романов не моргнул.

— Вам угрожают, — сказал он просто.

Это не был вопрос. Это было утверждение. Значит, он уже знает.

— Моему брату, — поправила Вера.

— Ваш брат подписал документы, не читая, — продолжил он тем же тоном, будто диктовал отчёт. — В результате на него пытаются повесить обязательства, которые он не должен был брать на себя.

Вера почувствовала, как холодок снова пробежал по спине.

— Откуда вы...

— Из фактов, — перебил Романов. — Это моя работа.
— Вы за ним следили?
— За ситуацией, — уточнил он. — Не переоценивайте важность вашего брата для мира. Ей захотелось ударить. Не физически — словами. Но она сдержалась. Она не могла позволить себе эмоции. Эмоции — это валюта, которой тут расплачиваются слабые.
— Хорошо, — сказала она. — Тогда давайте факты. Что вы хотите?
Романов положил ладонь на папку.
— Брак.
Слово прозвучало так же буднично, как “договор аренды”.
— Фиктивный? — уточнила Вера.
— Юридически настоящий. По сути — контракт.
— На какой срок?
Романов сделал паузу. Эта пауза была странной: будто он проверял, выдержит ли она.
— Шесть месяцев, — сказал он наконец. — Возможно, дольше, если будут обстоятельства.
Вера рассмеялась коротко.
— “Возможно дольше”. Отлично. А я думала, вы про факты.
— Факты меняются, — спокойно ответил он. — Условия — нет. Условия будут прописаны.
— И что я должна делать эти шесть месяцев? — Вера скрестила руки. — Играть счастливую жену?
— Да.
— И всё?
— Не всё. Вы будете сопровождать меня на мероприятиях, где это необходимо. Вы будете жить в моём доме. Вы будете соблюдать правила, чтобы не разрушить легенду.
Вера выпрямилась.
— “Легенду”.
— Да, — Романов посмотрел на неё прямо. — Люди должны верить.
— Люди или совет директоров? — Вера заметила, как Марта едва заметно вздрогнула.
— Или тот, кто пишет мне ночью “семья отвечает за семью”?
Тишина стала густой.
Романов медленно положил пальцы на стол, сцепил их.
— Сообщение покажите.
Вера не хотела. Но она пришла сюда не за гордостью. Она пришла за спасением брата. Гордость можно собрать потом — по кусочкам.
Она протянула телефон.
Романов прочитал. В его лице ничего не изменилось, но воздух будто стал ещё холоднее. Он вернул телефон.
— Ясно, — сказал он.
— И? — Вера не выдержала. — Кто это?
— Это инструмент, — ответил он. — А вот чьей рукой его держат — мы выясним.
— Мы? — Вера прищурилась. — Вы уже “мы” рисуете?
Он посмотрел на неё чуть дольше, чем прежде.
— Если вы подпишете — будет “мы”. Если нет — будет “вы” и “ваша проблема”. Это было честно. Жестоко, но честно.
Вера вдохнула глубже.
— Почему я? — спросила она. — У вас нет вариантов? Миллиардер без вариантов звучит как сказка.
— Варианты есть, — сказал Романов. — Но ваши условия... подходящие.

— Какие “условия”? — Вера почувствовала, как щеки нагреваются. — Я не товар.

— Именно, — неожиданно сказал он. — Вы не товар. Вы не из моего круга. Вы не будете играть в светские интриги за мои деньги просто потому, что вам нравится роскошь. Вы сейчас здесь по нужде. Это значит, вы будете держаться за договор. И вы не продадите меня первому, кто предложит больше, потому что вы слишком гордая для этого.

Вера замерла.

Он видел её насквозь. Это бесило и пугало одновременно.

— Вы делаете выводы слишком быстро.

— Быстро — моё конкурентное преимущество, — ответил он.

Марта наконец вмешалась:

— Вера, мы понимаем, что это звучит... резко. Но вы сами сказали: вам нужно решить вопрос до утра. У Макса есть ресурсы. Мы готовы помочь.

— За какую цену? — Вера перевела взгляд на Марту. — Помимо “брака”.

Марта раскрыла папку и вытянула первый лист.

— Здесь всё. Финансовая часть, обязательства, конфиденциальность, защита вашей семьи. Подпишите — и мы сразу запускаем юристов. Утром ваш брат будет под защитой адвоката. А “представитель” получит официальный ответ.

Вера потянулась к документам, но Романов задержал папку пальцами.

— Сначала — рамки, — сказал он. — Чтобы вы не фантазировали.

Вера подняла глаза.

— Я слушаю.

— Никакой самостоятельности, — перечислил он без пафоса. — Никаких интервью, никаких “случайных” разговоров с прессой, никаких звонков неизвестным людям. Все публичные выходы — согласуются с Мартой. Дом — под охраной. Ваш брат — под охраной, если будет необходимо. Вы не встречаетесь с людьми, которых мы не проверили.

— То есть я становлюсь вашей пленницей, — спокойно сказала Вера.

— Нет, — отрезал он. — Вы становитесь моей ответственностью. А я не беру ответственность на полставки.

Вера усмехнулась.

— Красиво сказано.

— Это не красиво. Это так, как есть.

Она взяла лист из папки — тот, что Марта уже открыла. Пробежала глазами.

Буквы были сухими и чёткими. Но Вера читала документы профессионально — не как обычный человек, который смотрит только на цифры.

Она видела крючки.

Пункт о конфиденциальности. Пункт о штрафах. Пункт о “соблюдении публичного образа”. И...

Вера остановилась.

— “Обязательство проживать совместно”, — прочитала она вслух. — “В одном объекте недвижимости, указанном супругом”.

— Да, — подтвердил Романов.

— Это можно трактовать как обязанность находиться там круглосуточно. Я не собака на поводке.

— Вы хотите правки? — в голосе Романова впервые прозвучал интерес. Сухой, профессиональный.

— Да, — Вера подняла взгляд. — Я хочу прописать, что “проживание” не ограничивает мою работу и передвижение, если это не угрожает вашей безопасности и репутации.

Марта чуть приподняла бровь. В её взгляде промелькнуло что-то вроде: “неплохо”.

Романов кивнул.

— Разумно.

Вера перелистнула дальше.

— “Штраф за нарушение конфиденциальности” — десять миллионов, — она замерла. — Вы издеваетесь?

— Нет, — ответил он спокойно. — Это не штраф. Это защита. Чтобы у вас не возникло соблазна “рассказать всё” в момент, когда вы обидитесь.

— Я не продаю истории, — резко сказала Вера.

— Сейчас — нет, — Романов посмотрел ей в глаза. — А когда вы начнёте ненавидеть меня — не знаю. Я не строю систему на “не знаю”.

Вера почувствовала, как горячая волна поднимается к горлу.

— Вы уверены, что я начну вас ненавидеть?

Впервые за весь разговор его взгляд задержался на её лице чуть дольше, чем нужно для делового контакта.

— Это вероятно, — сказал он, и в этой сухости вдруг прозвучало что-то личное. — Со мной так бывает.

Вера сжала лист.

— Тогда почему вы вообще считаете, что это сработает?

Романов не ответил сразу. Он слегка наклонился вперёд.

— Потому что мне не нужно, чтобы вы любили меня, — сказал он тихо. — Мне нужно, чтобы вы были рядом. И чтобы вы не предали.

Эти слова ударили сильнее, чем любой крик.

Вера сглотнула.

— А вам самому... — она остановилась, не желая идти слишком далеко, но уже было поздно. — Вам самому не противно жить так? Контракты вместо людей?

Тишина снова стала опасной.

Романов медленно откинулся на спинку кресла. Его лицо осталось спокойным, но в глазах появилась тень — очень краткая, почти незаметная.

— Противно, — сказал он честно. — Но эффективно.

Марта быстро перевела разговор обратно в русло:

— Вера, у вас есть вопросы по сумме?

Вера моргнула.

— Сумме?

Марта перевернула лист. Там была таблица.

Вера увидела цифру — и у неё на секунду перехватило дыхание.

Сумма была больше, чем два миллиона. Значительно больше.

— Это... — она не смогла сразу подобрать слово. — Это что?

— Выплата по договору, — сказала Марта. — Единовременная. Первая часть — сразу после подписи.

— Вы хотите сказать, что вы просто переводите мне... — Вера подняла взгляд на Романова. — Вот это?

— Да, — сказал он.

— Зачем так много?

Романов посмотрел так, будто вопрос наивный.

— Потому что риск для вас — выше, чем вы сейчас понимаете. И потому что я не люблю, когда люди остаются мне должны. Вы получите финансовую подушку, чтобы никто больше не мог держать вас за горло.

Вера почувствовала, как внутри всё сопротивляется. Финансовая подушка звучала как свобода. Но свобода в этом пакете шла вместе с цепью.

— Я не хочу быть вашей содержанкой, — сказала она твёрдо.

— Вы не будете, — спокойно ответил Романов. — Вы будете моей женой на бумаге. И моим союзником на практике.

— Союзник — это когда у обоих есть выбор, — Вера указала пальцем на часы на стене. — У меня до утра.

Романов не спорил. Он только сделал жест рукой, и Марта достала телефон.

— Мы уже отправили юриста к вашему брату, — сказала Марта, глядя в экран. — С ним сейчас работает адвокат. Илье объяснят, что отвечать и что не подписывать. В случае давления — мы фиксируем. У нас есть ресурсы.

Вера резко повернулась к Романову.

— Вы уже начали?

— Я не трачу время, — ответил он. — Это ещё один мой недостаток.

— А если я сейчас встану и уйду? — Вера сжала ремешок сумки так, что пальцы заболели.

— Тогда юрист всё равно доведёт дело до утра, — сказал Романов. — Но дальше — без моих ресурсов. И без защиты от тех, кто пишет вам ночью.

— То есть вы спасаете его, чтобы я чувствовала долг.

— Нет, — Романов был удивительно ровен. — Я спасаю его, потому что если вы подпишете, этот долг станет моей проблемой. Мне выгодно, чтобы ваши слабые места не торчали наружу.

Вера на секунду закрыла глаза.

Слабые места.

Она ненавидела, что её семья — слабое место. Ненавидела, что брат — повод для чужих сделок. И ещё больше ненавидела, что сейчас это единственный выход.

Она открыла глаза и снова посмотрела на документы.

— Здесь написано, что свадьба должна состояться в течение четырнадцати дней, — сказала она, находя нужный пункт. — Почему так быстро?

— Потому что у меня через две недели заседание совета, — спокойно ответил Романов. — И потому что люди, которые хотят меня укусить, уже подняли головы. Я предпочитаю ставить капканы заранее.

— И я — капкан? — Вера усмехнулась без радости.

— Вы — замок на двери, — сказал он. — Который им не сломать.

Вера перевела взгляд на Марту. Та смотрела строго, но в глазах была не злость — расчёт.

— Мне нужно добавить пункт о моей матери, — сказала Вера неожиданно даже для себя. — Она не должна узнать из новостей. И её нельзя втягивать.

Марта кивнула сразу.

— Будет прописано. Мы составим легенду знакомства так, чтобы ваша семья не выглядела “прикрытием”. И никто не имел права к ним подходить.

— И пункт о брате, — продолжила Вера. — Никаких “помогли и забыли”. Я хочу видеть, что он защищён юридически. И что этот Князев, если он связан, не сможет снова...

Она запнулась.

Романов слегка наклонился вперёд.

— Вы думаете, что Князев связан?

Вера медленно вдохнула.

— Я не знаю, — честно сказала она. — Но у него визитка. И у меня сообщение. И совпадения слишком удобные, чтобы быть случайными.

Романов смотрел на неё так, будто впервые увидел не “девушку, которую можно использовать”, а человека, который думает.

— Хорошо, — сказал он. — Пункт о брате будет. И вы будете в курсе каждого шага.

— Почему? — Вера не удержалась. — Потому что вы вдруг стали добрым?

Тень раздражения мелькнула в его глазах — и исчезла.

— Потому что мне нужна ваша лояльность, — сказал он. — А лояльность покупается не деньгами. Она покупается ощущением справедливости.

Вера сглотнула. Справедливость от миллиардера звучала странно. Но он говорил так, будто действительно так считает.

Она снова посмотрела на лист с суммой. Цифры не были фантастикой. Они были реальными. И страшными.

— Если я подпишу... — медленно произнесла Вера. — Я смогу завтра утром быть уверена, что брат не останется один?

— Да, — сказал Романов.

— И что эти люди отстанут?

— Они отстанут, — спокойно ответил он. — Или пожалеют, что подошли.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось. Не от угрозы. От того, что он говорил это не как герой фильма, а как человек, который просто констатирует.

Она опустила взгляд на последнюю страницу.

И увидела строку, от которой у неё пересохло во рту:

Срок действия договора: 12 месяцев.

Не шесть.

Вера медленно подняла глаза.

— Вы сказали шесть, — произнесла она тихо.

Романов не смутился.

— Это базовый минимум, — ответил он. — Но юридически безопаснее — год. Меньше — подозрительно. Люди любят искать причины. Год выглядит как “мы попытались”. Полгода выглядит как “мы сыграли”.

Вера сжала лист так, что бумага хрустнула.

— Год — это не “попытались”. Это жизнь.

— Это часть жизни, — поправил он. — И вы получите за эту часть... свободу от тех, кто сейчас держит вас на крючке.

Вера смотрела на него и понимала: он не давит эмоциями. Он давит реальностью. И от этого было ещё страшнее.

Романов взял ручку и положил её перед ней. Медленно, как вызов.

— Подписываете — и первая часть переводится в течение пятнадцати минут, — сказал он. — Юристы закрывают вопрос до утра. И мы начинаем готовить свадьбу.

Вера не взяла ручку.

— А если я нарушу? — спросила она, указывая на пункт о штрафе. — Десять миллионов?

Романов посмотрел на неё спокойно.

— Тогда вы узнаете, что такое настоящий приговор, — сказал он тихо. — Не от меня. От тех, кто ждёт, когда я оступлюсь.

Вера почувствовала, как кожа на руках покрылась мурашками.

Она стояла посреди роскошной переговорной, на фоне ночного города, и понимала: её жизнь уже делится на “до” и “после”.

— Год, — повторила она, почти шёпотом.

— Год, — подтвердил он.

И добавил без улыбки — ровно, как ставят печать:

— Или ваш брат встречает утро один.

Глава 3. Контракт на брак

Ручка лежала перед Верой так, будто это была не канцелярия, а оружие.

Она смотрела на неё и понимала: подпись — это не просто чернила на бумаге. Это новая фамилия в паспорте, чужой дом, чужая жизнь, чужие правила. И всё — ради одного утра, которое уже пахло бедой.

Вера медленно выдохнула и подтянула папку к себе.

— Я не подпишу это в таком виде.

Марта не удивилась. Романов тоже. Он лишь чуть наклонил голову, как человек, который ожидал сопротивления и даже предпочитал его.

— Какие пункты? — спросил он.

“Какие пункты” прозвучало так, будто она выбирает меню.

Вера перевела взгляд на листы и ткнула пальцем в середину страницы.

— Во-первых: никакой двусмысленности. Здесь должно быть чётко прописано, что у меня нет “обязанности”... — она задержалась на слове, — выполнять супружеские обязанности в интимном смысле.

Тишина на секунду стала звенящей.

Марта подняла взгляд от документов. В её глазах мелькнуло удивление — не от сути, а от прямоты.

Романов не моргнул.

— Вы боитесь, что вас заставят?

Вера почувствовала, как вспыхивает раздражение.

— Я боюсь крючков. А в договорах крючки прячут там, где люди стесняются задавать вопросы.

Он посмотрел на неё внимательно, потом кивнул.

— Разумно. Пункт добавим.

Марта быстро сделала пометку в планшете.

Вера перевернула страницу.

— Во-вторых: “проживание совместно”. Я уже сказала — я не в клетке. Пропишите, что у меня остаётся право работать и перемещаться по городу при уведомлении службы безопасности, если это нужно.

— При согласовании, — уточнил Романов.

— При уведомлении, — Вера подняла глаза. — Я не буду спрашивать разрешения на жизнь.

Он выдержал паузу.

— Уведомление. Но с оговоркой: если есть риск, моя служба безопасности имеет право изменить маршрут или предложить сопровождение.

— Предложить, — подчеркнула Вера.

— Обеспечить, — поправил он.

— Предложить, — повторила она ровно.

Романов смотрел на неё долго, словно оценивал: сломается или нет.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Предложить. Но если вы откажетесь, ответственность — на вас.

— Пусть так.

Марта снова записала.

Вера перевела палец ниже.

— Отдельные спальни.

Марта подняла брови.

— Это обязательно?

— Да, — сказала Вера. — Если вы хотите “легенду”, не значит, что вы покупаете доступ к моему телу. Я не вещь в комплекте.

Романов чуть усмехнулся — не улыбкой, а тенью.

— Я не планировал делить с вами постель.

Слова прозвучали холодно, почти обидно — но Вера поняла, что это тоже честность. Он не играл в “обаятельного мужчину”. Он был тем, кто ставит условия и ждёт выполнения.

— Отлично, — сказала она. — Тогда это нужно закрепить письменно.

Он кивнул.

— Закрепим. Две спальни. Общая зона для камер, если понадобятся фото.

Вера резко подняла взгляд.

— Какие ещё камеры?

Марта спокойно пояснила:

— Не камеры в доме. Я говорю о возможных постановочных кадрах для прессы — редкие случаи. У нас есть фотограф, мы делаем это аккуратно.

Вера сжала губы.

— “Постановочные кадры”... прекрасно.

— Это цена, — сказал Романов. — Вы хотели “без крючков”. Вот вам честно: публичность — крючок, который мы контролируем сами. Иначе его контролируют другие.

Вера перевела взгляд на следующую строку.

— Запрет на импровизацию.

— Да, — сказала Марта. — Любое отклонение от согласованной легенды может превратиться в скандал.

— Я не актриса, — отрезала Вера.

— Вы — моя жена, — спокойно ответил Романов. — И вам придётся ею быть.

Вера медленно вдохнула, чтобы не сказать лишнего.

— Тогда прописывайте конкретно. Что считается импровизацией. И что считается форс-мажором. Если я отвечу на вопрос журналиста так, чтобы не быть униженной, это не должно считаться нарушением.

— А если вы ответите так, что подставите меня, — его голос стал тише, — это будет нарушением.

— Согласна, — Вера кивнула. — Но я хочу право на самозащиту. Без штрафов.

Марта быстро пролистала документ, словно уже знала, где это место должно быть.

— Мы можем добавить пункт: “в случае провокации допускается ответ, направленный на сохранение достоинства супруги, при условии, что он не наносит ущерба репутации супруга и компании”.

Вера посмотрела на неё.

— Так.

Романов слегка наклонился вперёд.

— Следующее.

Вера перелистнула к разделу о штрафах.

— Десять миллионов за конфиденциальность я понимаю. Хотя это всё равно... — она запнулась, — безумие.

— Это рынок, — сказал Романов. — Информация стоит дорого.

— Но вот здесь, — Вера ткнула пальцем, — “штраф за нарушение режима публичного поведения”. Что такое “режим”?

Марта ответила сразу:

— Это если вы, например, уйдёте с мероприятия без предупреждения, устроите сцену, нарушите протокол.

— А если мне станет плохо?

— Тогда это форс-мажор, — Марта не моргнула.

— А если меня оскорбят?

— Тогда мы контролируем ситуацию, — сказал Романов. — И вы не устраиваете сцен.

Вы сообщаете мне. Я решаю.

Вера холодно улыбнулась.

— Вы решаете?

— Да.

— Нет, — её голос стал жёстким. — Я не передаю вам право решать, как мне реагировать на унижение. Я могу быть спокойной, я могу быть умной, но я не буду молчать, когда меня давят.

Романов посмотрел на неё так, будто впервые услышал “нет” от человека, который стоит перед ним не на равных.

И, к удивлению Веры, не разозлился.

— Тогда договоримся так, — сказал он. — Вы не устраиваете истерику. Вы отвечаете коротко и достойно. А дальше — моя очередь.

Вера выдержала паузу.

— И это фиксируем.

Марта кивнула.

Вера перелистнула на последнюю часть. Там, где было самое важное.

— Теперь про брата.

Тишина снова стала плотной.

— В договоре должно быть прописано, — сказала Вера медленно, — что вы оказываете юридическую помощь Илье немедленно, не “после подписи”, а параллельно. Что ваш адвокат ведёт дело до полного закрытия. И что любые попытки давления фиксируются и получают официальный ответ.

— Уже делаем, — сказала Марта, не поднимая глаз. — Адвокат там.

— Я хочу это на бумаге, — повторила Вера.

Романов кивнул.

— Будет.

Вера провела пальцем дальше.

— И ещё. Мне нужна выплата сразу. Первая часть. Не завтра, не утром, не “в течение суток”.

— Вы хотите деньги сейчас? — Марта подняла взгляд.

— Я хочу возможность закрыть часть угрозы прямо сейчас, — ответила Вера. — И возможность обеспечить брату нормальную защиту, если вдруг всё пойдёт хуже. Я не знаю, кто эти люди. Но я знаю одно: они считают, что могут мной управлять. Я хочу, чтобы у меня был хотя бы один рычаг.

Романов смотрел на неё спокойно.

— Деньги будут сейчас, — сказал он.

— И подтверждение, — добавила Вера. — Я хочу видеть платёж. И хочу отдельный документ: что ваш юрист представляет интересы Ильи, и что любые переговоры идут через него.

Марта кивнула и снова что-то набрала.

Романов чуть наклонился вперёд.

— Вера, — сказал он впервые не как “миллиардер”, а как человек, который хочет понять. — Если я даю вам всё это, вы что даёте мне?

Вера не отвела взгляд.

— Я даю вам лицо вашей “легенды”. И я даю вам то, что вы покупаете этим договором на самом деле: моё молчание. И мою честность. Я не буду играть против вас, если вы не играете против меня.

Он долго смотрел. Потом кивнул — один раз, чётко.

— Договорились.

Марта поднялась.

— Мне нужно десять минут, чтобы внести правки и распечатать новый пакет, — сказала она. — Вера, кофе?

— Нет, — ответила Вера.

— Вода?

— Нет.

— Тогда — воздух, — Марта взяла папку и вышла.

Дверь закрылась, и Вера осталась с Романовым наедине.

Это было хуже, чем присутствие Марты.

С Мартой было проще: она была профессионалом, она не играла в психологию. Романов играл самым фактом своего существования.

Он не смотрел на город. Он смотрел на Веру.

— Вы умеете читать договоры, — сказал он.

— Я редактор, — отозвалась Вера. — Это почти то же самое, только без иллюзий.

— Вам страшно?

Вера усмехнулась.

— Вы правда хотите услышать правду?

— Я всегда хочу правду.

— Мне страшно не за себя, — сказала Вера. — Мне страшно, что мой брат — слабое место. Что я сейчас поставлю на кон всё. А потом выяснится, что вы... — она остановилась, — что вы хуже тех, кто угрожает.

В его лице ничего не дрогнуло. Но в глазах на секунду мелькнуло что-то тёмное. Не злость. Скорее — память.

— Я не хуже, — сказал он тихо. — Я просто другой.

— Это не утешает.

Он слегка наклонил голову.

— Я не умею утешать.

Эта честность снова ударила странно — как пощёчина и как опора одновременно.

Вера выдержала паузу.

— Почему вам так нужен брак? — спросила она. — Не легенда. Не пресса. Именно брак. Романов молчал несколько секунд.

— Потому что у меня есть люди, которые ждут момента, когда я буду выглядеть одиноким и уязвимым, — сказал он наконец. — Потому что одиночество для них — приглашение. А семья — щит.

— Семья... — Вера горько усмехнулась. — Мы с вами будем “семьёй” только на бумаге.

— Для бумаги этого достаточно, — ответил он.

Вера хотела сказать что-то резкое, но дверь открылась.

Марта вернулась с новым пакетом документов. За ней — мужчина в очках и с портфелем: юрист. Он кивнул Вере с профессиональной вежливостью и сразу разложил листы по столу.

— Внесены правки, — сказал он. — Пункты о отдельных спальнях, свободе передвижения при уведомлении службы безопасности, отсутствие обязательств интимного характера, право на достойный ответ в случае провокации, помощь брату и отдельное поручение на представительство.

Вера взяла листы и стала читать заново.

Она читала быстро, но тщательно. В голове работал тот самый редакторский механизм: ловить неточности, видеть двусмысленности, вычищать “может” и “вправе” там, где нужно “обязан”.

Там, где она требовала “обязан”, стояло “обязан”.

Грудь чуть отпустило — как будто впервые за ночь она вдохнула нормально.

— Здесь, — Вера указала пальцем на формулировку про “сопровождение на мероприятиях”. — Добавьте: “не более трёх мероприятий в неделю” без моего согласия. Я тоже человек.

Марта улыбнулась одними глазами.

— Хорошо.

Юрист сделал пометку и быстро распечатал замену — будто у них в этой переговорной был принтер для судьбы.

Вера подписывала каждую страницу не сразу. Она ставила подпись медленно, ощущая, как пальцы тяжелеют. Будто каждое движение — камень.

Романов подписал без пафоса. Спокойно. Так подписывают контракты на заводы, компании, самолёты.

Вера поймала себя на мысли: для него её жизнь — тоже контракт. И от этой мысли хотелось одновременно разозлиться и... доказать обратное.

Когда последний лист был подписан, Марта встала и набрала номер.

— Финансовый отдел, — сказала она спокойно. — Первая часть по договору: переводить сейчас.

Вера не моргала.

Марта повернула к ней экран телефона. На нём была форма платежа. Сумма. Реквизиты Веры. Статус: “В обработке”.

Через минуту телефон Веры завибрировал.

СМС от банка: “Зачисление”.

Вера смотрела на сообщение и не чувствовала радости. Только холодное осознание: теперь назад дороги нет.

— Адвокат Ильи на линии, — сказала Марта и протянула Вере второй телефон.

Вера взяла, приложила к уху.

— Алло?

— Вера Ларионова? — голос был спокойный, уверенный. — Я Сергей Павлович, адвокат. Я у Ильи. Ситуация под контролем. Ему объяснили, что не подписывать ничего. Мы официально направили запросы, завтра утром подадим ходатайство о приостановке требований до выяснения обстоятельств.

— Он в безопасности? — спросила Вера тихо.

— Сейчас — да. И мы оформим запрет на прямое общение “представителей” с ним. Любые попытки давления фиксируем.

Вера закрыла глаза на секунду.

— Спасибо.

— Это работа, — ответил адвокат. — И ещё. Вера, этот человек, который приходил... Князев. Он не действует как обычный представитель. Он действует как тот, кто уверен в крыше.

У Веры снова похолодели пальцы.

— Он приедет утром?

— Если приедет — будет разговаривать со мной.

Вера выдохнула.

— Хорошо.

Она вернула телефон Марте.

Марта посмотрела на неё чуть мягче, чем раньше.

— Теперь вам нужно поспать, — сказала она. — Завтра будет много.

— Я не засну, — честно ответила Вера.

— Заснёте, — вмешался Романов. — У меня дома тишина.

Слова “у меня дома” прозвучали так, будто он уже закрыл на ней дверь.

Вера подняла на него взгляд.

— Я согласилась на контракт. Но я не согласилась быть вашей вещью.

— И не будете, — сказал он спокойно. — Вы будете частью моей системы безопасности.

Это не про собственность. Это про контроль рисков.

— А я — риск? — Вера не удержалась.

Он посмотрел прямо.

— Сейчас — да. Но риск, который я выбрал сам.

Это было странно — услышать от него слово “выбрал”.

Марта быстро вернула разговор в практическое русло:

— Вера, завтра утром мы едем к нотариусу по вашему имуществу и фамилии. Потом — примерка, визажист, встреча с организатором. И — тренировка ответов для прессы.

— Какая ещё примерка? — Вера резко повернулась к ней.

Марта моргнула.

— Свадебная.

Вера почувствовала, как земля под ногами становится неустойчивой.

— Вы... вы же говорили — две недели.

Романов поднялся. Не резко, но так, что сразу стало понятно: разговор закончен.

— Да, — сказал он ровно. — Свадьба — через две недели.

Вера сделала шаг назад, будто его слова ударили физически.

— Это невозможно.

— Возможно, — спокойно ответил он. — И необходимо.

— Мне нужно время, — голос Веры стал хриплым. — Чтобы подготовиться. Чтобы сказать матери. Чтобы...

— Чтобы передумать? — тихо спросил Романов.

Вера замерла.

Он смотрел на неё спокойно, но в этом спокойствии была сталь.

— У вас будет время на легенду, — сказал он. — И время на страх. Но не время на сомнения.

Вера сжала руки в кулаки.

— Вы даже не спросили, хочу ли я этого.

— Вы уже ответили, — Романов кивнул на подписанные листы. — Подписью.

— Подпись — это не “хочу”. Это “мне пришлось”.

— Мне тоже пришлось, — сказал он так тихо, что это почти прозвучало как признание.

— Только я не привык жаловаться.

Вера хотела сказать что-то — любое, что вернуло бы ей контроль. Но Марта уже открывала дверь и говорила в гарнитуру:

— Машина готова. Домой.

Вера шагнула к выходу, чувствуя, как внутри всё горит от злости, страха и какого-то странного, nepозволительного любопытства: *что же за буря такая, что миллиардеру нужен брак как броня?*

Она остановилась в дверях и обернулась.

— Романов.

Он поднял глаза.

— Если вы нарушите условия, вы меня уничтожите?

Он смотрел на неё секунду, две... и ответил не так, как она ожидала:

— Вы уничтожите меня быстрее, если останетесь рядом и будете лгать.

Вера замерла.

И в этот момент Марта произнесла, как финальный удар по её воздуху:

— Вера, у нас очень мало времени. Через две недели вы станете женой Максима Романова.

Глава 4. Переезд в чужую жизнь

Машина была тише, чем город.

Тонированные стёкла отрезали Веру от улиц, от людей, от возможности в любой момент выйти и сделать вид, что ничего не случилось. На сиденье напротив лежала папка с копиями договора, тонкая, как оправдание, и тяжёлая, как приговор.

Она смотрела на огни, которые размазывались в стекле, и ловила себя на мысли: *я теперь принадлежу не человеку — системе*. У этой системы были охрана, юристы, график, репутация. И, как ни странно, она уже работала — на Илью. Это было единственным, что удерживало Веру от желания попросить водителя остановиться у ближайшей станции метро и исчезнуть.

Водитель не разговаривал. Только изредка смотрел в зеркало — не на неё, а будто на её отражение. Как на новый предмет в инвентаре.

Когда машина выехала за пределы центра, Вера заметила, как меняется пространство: меньше рекламы, больше пустоты и редких фонарей. Дома стали ниже, заборы выше, камеры — заметнее. Место, куда её везли, не кричало о богатстве. Оно просто существовало с правом не объясняться.

Шлагбаум открылся, не спросив имени. Калитка была уже приоткрыта, как будто тут знали: Вера всё равно приедет.

Машина свернула на подъездную аллею, и перед ней вырос дом — не дворец, не замок из сказки, а геометрически идеальный особняк из стекла, камня и света. В окнах не было штор — только ровные линии, как чертёж.

Вера почувствовала странное: ей стало холодно, хотя в салоне было тепло.

Водитель остановился у входа, вышел и открыл дверь.

— Доброй ночи, Вера Сергеевна.

Она вздрогнула.

— Откуда вы знаете моё отчество?

— Информация для персонала, — ровно ответил он, будто сказал “у нас на завтрак овсянка”.

Персонал.

Она не успела ничего ответить — дверь дома открылась сама. Вера увидела мужчину в строгом костюме, не охранника и не дворецкого в кино, а скорее администратора: лет сорок, ровная стрижка, внимательные глаза.

— Доброй ночи, Вера Сергеевна. Меня зовут Алексей. Я управляющий дома. Позвольте помочь.

Он протянул руку к её маленькому чемодану.

Вера машинально отдернула руку.

— Я сама.

Алексей остановился на полдвижении и тут же отступил.

— Разумеется. Если потребуется — я буду рядом.

Буду рядом. Здесь всё звучало так, будто рядом уже стояли невидимые границы.

Вера переступила порог — и попала в тишину, которая стояла дороже её прежней квартиры.

Холл был высоким, светлым, с лестницей без лишних деталей. На стенах — ничего, что говорило бы “дом”. Ни фотографий, ни детских рисунков, ни беспорядка. Только идеальная чистота и запах... нейтральный. Как в дорогом отеле, где тебя рады видеть, но не запоминают.

— Ваши вещи можно оставить здесь, — мягко сказал Алексей. — Я проведу вас в вашу комнату.

— В мою? — Вера не удержалась. — Смешно звучит.

Алексей не улыбнулся.

— Так удобнее для ориентира.

Вера пошла за ним по коридору, стараясь не смотреть по сторонам, но глаза сами цеплялись за детали: двери с электронными замками, панель охранной системы у стены, камера в углу — маленькая, почти незаметная. Или ей показалось? Она остановилась и прищурилась.

— Здесь камеры?

Алексей повернул голову.

— Снаружи — да. На периметре. Внутри — нет. Но есть датчики. Это стандартный протокол безопасности господина Романова.

“Господина Романова.” Не “Максима”. Не “Макса”. Не “вашего мужа”. Здесь даже слова были выстроены по вертикали.

Они поднялись на второй этаж. Коридор был мягко освещён, как будто свет здесь никогда не бывает слишком ярким — чтобы не раздражать человека, который привык контролировать.

Алексей остановился у двери и приложил карту.

— Ваш код доступа будет отправлен на телефон утром. Пока дверь открыта. Комната подготовлена.

Он распахнул дверь, и Вера увидела спальню — просторную, с широкой кроватью, но без намёка на интимность: идеально заправленное белое бельё, прикроватные тумбы, рабочий стол, в углу — кресло. Всё, что нужно для жизни. И ничего, что намекало бы на личность.

— Здесь есть санузел, гардеробная, — перечислил Алексей. — Завтрак с восьми до десяти. Если вы предпочитаете другое время — сообщите.

— А если я предпочитаю вообще не завтракать под наблюдением? — вырвалось у Веры.

Алексей посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Тогда можно принести поднос. Вы можете указать предпочтения. Список продуктов пришлю утром.

Он говорил так спокойно, что её сарказм отскакивал от него, как мячик от стены.

— Хорошо, — сухо сказала Вера. — Спасибо.

Алексей чуть наклонил голову.

— Господин Романов просил передать: если что-то необходимо — обращайтесь ко мне напрямую. Спокойной ночи, Вера Сергеевна.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок.

Вера замерла, прислушалась. Тишина. Никаких шагов. Никаких голосов. Только её дыхание.

Она прошла к окну и посмотрела вниз. Аллея, фонари, тёмный сад, аккуратный снег на дорожках. Мир, где можно спрятать любую историю под дорогим светом.

Телефон завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера — того же, что ночью.

“Утро близко.”

Вера сжала телефон.

— Утро близко, — повторила она вслух и вдруг поняла: она даже не знает, где Макс в этом доме. И хочет ли знать.

Она кинула пальто на кресло, открыла чемодан. Там было смешно мало вещей — джинсы, пару свитеров, бельё, косметичка, документы. Жизнь, которая помещается в тканевую сумку.

В гардеробной Вера остановилась. Она ожидала увидеть пустоту — но внутри были полки, вешалки и... уже подготовленное пространство. На одной стороне — пусто. На другой — ровные ряды мужских рубашек, костюмов, обуви, как на витрине. Между ними — будто специально оставлено место. Чтобы её вещи не смешивались. Чтобы всё было... правильно.

Она достала свитер и повесила. Он выглядел там чужим — как пятно на идеальном листе.

В ванной было так чисто, что Вера боялась дотронуться до полотенца, будто оно распадётся от человеческого тепла. На раковине стояли аккуратные флаконы с мужскими средствами. Без брендов на виду, без запаха, который можно запомнить. Опять нейтральность.

Он и правда живёт так. Контракты вместо жизни.

Она умылась холодной водой, чтобы прийти в себя. Смотрела на своё отражение — бледное, с тенью под глазами.

— Ты не вещь, — сказала она себе тихо. — Ты просто... временно в чужой системе.

Слова прозвучали слабее, чем хотелось.

Вера легла на кровать, не раздеваясь до конца. Лежала и слушала дом. Дом не дышал. Он не жил. Он работал.

И всё же где-то в глубине эта идеальная тишина была хуже крика.

Утро пришло без солнца. Небо было серым, и это почему-то радовало: меньше света — меньше реальности.

Вера проснулась от мягкого стука.

— Вера Сергеевна? — голос за дверью. — Можно войти?

Она села резко, будто её поймали на краже.

— Да.

Дверь открылась, и вошла женщина лет пятидесяти, в строгой форме — не униформа горничной из кино, а одежда человека, который здесь работает давно и знает себе цену.

— Я Нина, — сказала она. — Я отвечаю за порядок в доме. Завтрак готов. И... — она задержалась, — вам передали вещи.

Нина поставила на стол коробку. Дорогую. С матовой крышкой.

— Какие вещи?

— Одежда. Господин Романов распорядился, — Нина сказала это без эмоций, но Вера уловила в её глазах искру любопытства. — Чтобы у вас было всё необходимое.

Вера подошла к коробке и открыла.

Внутри лежало платье — простое на первый взгляд, но ткань была такая, что пальцы не хотели отпускать. Рядом — бельё, аккуратно упакованное, и маленькая карточка.

“Для выхода к нотариусу. — Марта.”

Вера почувствовала, как что-то в ней вспыхнуло.

Она закрыла коробку.

— Передайте... — Вера запнулась, — передайте господину Романову, что я не манекен.

Нина спокойно посмотрела на неё.

— Я передам то, что вы скажете. Но, Вера Сергеевна... — она чуть наклонилась ближе, — здесь любят, когда порядок.

Порядок. Опять.

Вера стиснула зубы.

— Где он? — спросила она.

— Внизу. В кабинете. С утра уже работает, — Нина кивнула на дверь. — Завтрак?

— Я... — Вера хотела сказать “не буду”, но живот предательски сжался. — Хорошо. Через десять минут.

Нина вышла.

Вера осталась одна, и злость наконец догнала её как волна.

Они купили её время, купили её присутствие, купили её будущую фамилию. А теперь ещё покупают её одежду, её вид, её шаги.

Вера повторила про себя: «Я не вещь».

Она открыла шкаф и достала свои джинсы. Натянула их нарочно. Свой свитер. Расчёска. Быстрый макияж. Никаких “для выхода к нотариусу”. Она не будет их красивой игрушкой.

Когда Вера спустилась вниз, дом оказался ещё более безупречным при дневном свете. В столовой стоял накрытый стол: кофе, фрукты, яйца, тосты — как будто кто-то заранее рассчитал, что именно нужно женщине, которая не спала ночь и подписала брак на год.

Нина стояла чуть в стороне, как тень.

— Спасибо, — сухо сказала Вера и села.

Она сделала глоток кофе. Он был идеальным. Это раздражало ещё сильнее.

— Вы не в том, что вам передали, — голос раздался из-за спины так неожиданно, что Вера вздрогнула.

Она повернулась.

Романов стоял у дверного проёма, в тёмной рубашке без галстука. Он выглядел так, будто ночь для него — просто рабочая смена. Ни усталости, ни сомнений.

Только взгляд — спокойный, тяжёлый.

— Я в том, что мне удобно, — ответила Вера.

— Вам удобно спорить, — сказал он и подошёл ближе. — Это тоже полезно. Пока.

Она поставила чашку.

— Вы прислали мне одежду, — произнесла она. — Не спросив.

— Это необходимость, — ровно ответил он. — Сегодня нотариус и встреча с организатором. Вы должны выглядеть так, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

— А если мне всё равно?

Романов остановился напротив.

— Тогда вам будет не всё равно, когда эти лишние вопросы дойдут до вашей семьи, — сказал он тихо. — Вы хотели защитить мать. Это часть защиты.

Удар был точным. Вера сжала пальцы.

— Илья? — спросила она.

— Адвокат работает. Давление с утра было, — Романов сказал это так спокойно, будто говорил о погоде. — Князев пытался “зайти напрямую”. Его развернули.

Вера выдохнула — коротко, слишком резко.

— Спасибо.

— Это не спасибо, — поправил он. — Это условия договора.

— Вы хотите, чтобы я и тут говорила как робот?

Романов посмотрел на неё долго.

— Я хочу, чтобы вы выжили в этой системе, — сказал он. — И чтобы вы не делали глупостей из принципа.

— Из принципа я живу, — тихо сказала Вера. — Без него я бы уже сломалась.

Он молчал секунду.

— Тогда используйте принцип как инструмент, — ответил он. — Не как оружие против себя.

Вера резко встала.

— Хорошо. Тогда инструмент: я хочу увидеть свой новый “режим”. Где мои границы, где ваши?

— Ваши — там, где заканчивается безопасность, — сказал он. — Мои — там, где начинается публичность.

— То есть ваша публичность важнее моего достоинства?

Романов не отвёл взгляд.

— Моя публичность — это ваша безопасность, — ответил он. — И безопасность вашего брата. Вы ещё не поняли, с чем мы играем.

“Мы”. Опять.

— Я поняла одно, — Вера шагнула ближе. — Я здесь не по любви. И если вы начнёте обращаться со мной как с вещью, я...

— Вы что? — спросил он тихо.

Вера на секунду растерялась. Она хотела сказать “уйду”. Но знала — не уйдёт. Не сейчас. Не когда на Илью ещё давят. Не когда неизвестный номер пишет “утро близко”.

Она ненавидела, что у неё нет рычага.

— Я буду сопротивляться, — сказала она наконец.

Романов чуть кивнул.

— Это я уже увидел.

Вера развернулась к лестнице, но он остановил её словами, не рукой:

— Переоденьтесь. Машина через сорок минут.

Она остановилась.

— Нет.

Тишина в комнате стала густой, как стена.

Нина стояла в стороне, опустив глаза, но Вера чувствовала её присутствие как свидетеля.

Романов подошёл ближе — на расстояние, где можно было почувствовать его тепло и его власть.

— Вера, — сказал он тихо, без угрозы, но с той самой неизбежностью, которой он подписывает договоры. — Вы можете ненавидеть меня, спорить со мной, даже презирать. Но вы не подставите себя из-за упрямства.

Вера подняла подбородок.

— Вы меня не заставите.

— Я не заставляю, — он чуть наклонился, чтобы их глаза были на одном уровне. — Я объясняю последствия. Появитесь у нотариуса в джинсах — это не трагедия. Но фотография с вами в джинсах рядом со мной — это сигнал. Сигнал, что вы не вписываетесь. И этот сигнал подхватят те, кто ждёт, когда я оступлюсь.

— Мне плевать на их мнение, — прошептала Вера.

— А мне — нет, — так же тихо ответил он. — Потому что это не мнение. Это рычаг.

Она почувствовала, как внутри поднимается бессилие — самое опасное чувство, потому что оно толкает на ошибки.

Вера резко вдохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я переоденусь. Но не потому, что вы приказали. А потому, что я защищаю брата.

Романов отступил на шаг, будто признавая её победу.

— Именно так, — сказал он. — Учитесь формулировать причины правильно.

Она поднялась по лестнице, чувствуя, как руки дрожат от сдержанного срыва. В спальне Вера снова открыла коробку с платьем. Ткань была прохладной. Чужой. Слишком правильной.

Она переоделась быстро, как солдат. В зеркало посмотрела без удовольствия: в этом платье она выглядела... дорого. Не “красивая” — дорого. И это было хуже, потому что “дорого” часто означает “куплено”.

На запястье она увидела тонкий браслет — уже надетый на подложку в коробке.

Вера отложила его.

Пусть будет видно: у неё есть границы.

Она спустилась вниз. Романов ждал в холле, уже в пальто. Взгляд скользнул по ней — оценка, не восхищение. Контроль. Как и всегда.

— Хорошо, — сказал он.

Это “хорошо” почему-то прозвучало как печать.

— Я не надела браслет, — сказала Вера.

Романов чуть повернул голову.

— Не обязаны.

— Тогда почему он там был?

— Потому что Марта считает, что так надо, — ответил он. — А Марта иногда права.
— Иногда?

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Вы уже нашли, за что с ней спорить? Отлично.

Они вышли. Машина ждала у входа.

Когда Вера проходила мимо консоли у стены, её взгляд зацепился за маленький блеск на полке — как будто в идеальном порядке появилась случайная ошибка.

Она остановилась.

На полке лежала серьга. Одна. Маленькая, но очевидно дорогая — белый металл, камень, который ловил свет даже в тени.

Вера почувствовала, как внутри щёлкнуло.

Это не её.

Не Нины.

И в таком доме, где всё выверено, одиночная серьга не может оказаться случайно.

Она взяла её двумя пальцами. Холодная. Чужая. И от неё пахло... духами. Тонкими, сладкими, уверенными. Женскими.

Вера медленно повернулась к Романову.

— Это что?

В его взгляде что-то изменилось. На долю секунды. Очень коротко. Как будто он заранее знал, что однажды этот вопрос прозвучит, и всё равно не хотел его слышать.

— Положите, — сказал он.

Не “что это”. Не “не ваше”. Не объяснение.

Просто — “положите”.

Вера сжала серьгу сильнее.

— Чья она?

Романов шагнул ближе.

— Вера.

Он произнёс её имя впервые так — без отчества. И от этого стало ещё опаснее.

— Чья, Максим? — она тоже впервые сказала его имя без фамилии, и это прозвучало как вызов.

Тишина в холле стала звенящей.

Нина где-то рядом остановилась, словно перестала дышать.

Романов посмотрел на серьгу в её руке, потом — ей в глаза.

— Не трогайте это, — сказал он тихо.

— Почему?

— Потому что это не имеет отношения к нашему договору.

— Имеет, — Вера подняла руку чуть выше. — Я живу в вашем доме. Я должна знать, кто здесь был. Кто оставляет здесь свои вещи.

Романов подошёл ближе так, что его голос стал почти шёпотом, но в этом шёпоте была сталь.

— Вы должны знать только одно: здесь будете вы. Остальное — не ваше дело.

Вера почувствовала, как её горло сжимает злость.

— Я не вещь, которую можно переставить и закрыть шкафом, — прошептала она.

Романов посмотрел на неё так, будто борется сам с собой.

— Именно поэтому я прошу вас... — он на секунду остановился, как будто слово “прошу” давалось ему тяжело, — положить.

Вера медленно опустила серьгу на полку.

Романов не взял её. Не убрал. Просто резко повернулся к двери.

— Машина ждёт, — сказал он холодно. — И больше вопросов на эту тему не будет.

Вера осталась стоять в холле, ощущая на ладонях чужой запах — сладкий и уверенный, как предупреждение.

А в голове стучало одно: *в этом доме есть история, которую он запрещает трогать.*

И она только что коснулась её пальцами.

Глава 5. Уроки лжи

Нотариус занял меньше получаса: подписи, печати — и ни одного лишнего взгляда.

Потом была короткая встреча с организатором и примерка на ходу — Вера почти не запомнила лиц, только слово «камера».

Вера поняла простую вещь: в этом мире ложь не придумывают — её утверждают.

Комната для “подготовки” была не театральной, но от неё пахло сценой. Нейтральные стены, мягкий свет, стойка с одеждой, зеркало во всю стену и длинный стол, заваленный распечатками. На каждой — варианты заголовков, сценарии ответов, список людей, которых нельзя бесить.

Марта стояла у доски, как преподаватель, который не терпит опозданий и слабых оправданий.

— Сядьте, — сказала она.

Вера не села сразу. Это была мелочь, глупость, но она держалась за такие мелочи, как за воздух. Потом всё-таки опустилась на стул, ровно, без суеты.

— Отлично, — Марта кивнула, будто эта уступка уже пошла в зачёт. — Начнём с главного. Вы с Максимом не “познакомились”. Вы встретились.

— Ага. И моя жизнь сразу стала лучше? — сухо спросила Вера.

Марта не улыбнулась.

— Легенда — это не сказка. Легенда — это версия событий, которую невозможно опровергнуть. Понимаете разницу?

Вера скрестила руки.

— Понимаю. Вы хотите, чтобы я звучала так, будто моя жизнь всегда была рядом с его жизнью.

— Я хочу, чтобы вы звучали так, будто вы существовали до него, — поправила Марта. — И при этом не выглядели случайностью.

Вера фыркнула.

— Случайность — это моё второе имя.

— Нет, — Марта подошла ближе и положила на стол папку. — Ваше второе имя — “держать удар”. Это продаётся лучше.

Вера посмотрела на папку, не открывая. Пальцы чесались сделать правку красной ручкой, как на чужом тексте.

— Итак, — Марта щёлкнула пультом, и на экране появилась первая строка: “Как вы познакомились?”

— Я скажу правду, — спокойно сказала Вера. — Что меня купили.

Марта выдержала паузу, как будто дала Вере договорить глупость до конца.

— Вы скажете: “Мы познакомились на закрытом деловом мероприятии. Я работала с текстами. Максим обратил внимание на мою работу”.

Вера подняла бровь.

— “Закрытое мероприятие” звучит как эвфемизм. Как будто меня привели в коробке.

— Тогда убираем “закрытое”, — Марта не спорила, она переписывала. — “На деловом мероприятии”. И не “обратил внимание”. Это слишком... — она посмотрела на Веру, — романтично. Вы не умеете романтично. Не насилуйте себя.

Вера неожиданно усмехнулась.

— Спасибо.

— Не благодарите, — Марта ткнула в следующую строку. — Дальше. “Почему так быстро?”

Вера вздохнула.

— Потому что ему нужно прикрыть...

— Нет, — резко остановила Марта. — “Потому что мы взрослые люди и не видим смысла тянуть”. Вы не оправдываетесь. Вы ставите точку.

— А если спросит: “Вы беременны?” — Вера произнесла это без смущения, как хирургический термин.

Марта моргнула, но быстро вернула лицо в привычную маску.

— Вы улыбаетесь и говорите: “Нет”. И всё.

— Это будет выглядеть как ложь.

— Это будет выглядеть как граница, — поправила Марта. — Запомните: не вы должны быть убедительной. Вы должны быть недоступной.

Вера посмотрела в зеркало на стене. Там отражалась она — в дорогом, чужом. И рядом — Марта, идеальная, как печать.

— Я не люблю лгать, — сказала Вера тихо.

— Вы не лжёте, — Марта наклонилась к ней. — Вы выбираете, что говорить. Иначе за вас выберут другие.

Вера сжала челюсть.

— Хорошо. Давайте вашу “версию”.

Марта кивнула и перелистнула страницу.

— “Мы познакомились на конференции, где Вера работала с текстами. Максим выступал. После выступления он попросил помочь с переводом материалов”. Ваша профессия — якорь. Её невозможно оспорить. Вы действительно работаете с текстами. Это правда.

— А если кто-то спросит, почему я вдруг оказалась на конференции миллиардера? — Вера не отпускала ниточку. — Я не из их мира.

— Именно, — Марта впервые посмотрела на неё с чем-то похожим на уважение. — Поэтому и работает. Вы не светская девочка. Вы человек дела. Он — человек дела. Связка логична. Люди любят логичность. Даже если ненавидят её.

Вера взяла лист, пробежала глазами.

Текст был гладкий. Слишком гладкий.

— Тут слишком много “мы”, — заметила она. — Люди не говорят так. Это как пресс-релиз.

— Потому что это и есть пресс-релиз, — спокойно сказала Марта. — Ваша задача — научиться произносить его так, чтобы он звучал живым.

— То есть вы учите меня играть.

— Я учу вас выживать, — Марта сняла очки, протёрла их и снова надела. — Теперь — невербалика.

Она нажала ещё раз, и на экране появилась фотография: Максим Романов на мероприятии, рядом женщина, свет, камеры. Марта увеличила изображение, выделив руки.

— Рука, — сказала она. — Самое важное.

Вера скривилась.

— Я думала, самое важное — не умереть от стыда.

— Умереть от стыда вы можете дома, — безжалостно ответила Марта. — На публике вы держите руку. Не висите на нём. Не отстраняетесь. Ладонь — уверенно, пальцы — спокойно. Как будто вы делаете это уже сто лет.

— Я не делаю это даже один день, — отрезала Вера.

Марта подошла к ней вплотную и подняла её кисть, будто показывала упражнение.

— Смотрите на меня, — приказала она.

Вера подняла взгляд.

— Сейчас я — камера. Ваша задача — не сказать “помогите”, даже если внутри кричит.

— У меня внутри не кричит, — Вера сказала это холодно.

Марта чуть приподняла бровь.

— Хорошо. Тогда внутри у вас просто... — она поискала слово, — рычит. Это тоже слышно.

Вера выдернула руку.

— Я не буду держать его за руку, как школьница на выпускном.

— Тогда вы будете держать его за руку, как женщина, которая не боится быть рядом, — Марта щёлкнула пальцами. — Разница в том, что вы не боитесь — даже если боитесь.

Вера резко выдохнула.

— Вы понимаете, что это унинительно?

— Понимаю, — Марта сказала это неожиданно мягко. — Но унинительнее — когда вас унижают другие. А они попробуют.

Слова повисли, как предупреждение.

Вера почувствовала, как внутри снова вспыхнул тот самый раздражающий холод: *меня опять ставят в позицию “делай, иначе хуже”*.

— А если я не выдержу? — спросила она тихо, уже без сарказма.

Марта посмотрела на неё прямо.

— Тогда вы сделаете вид, что выдержали. И заплачете потом. Если захотите.

Вера коротко усмехнулась.

— Вы очень добрая.

— Я эффективная, — повторила Марта чужое слово. — Дальше. Улыбка.

— Я не улыбаюсь на заказ.

— Улыбка не на заказ, — Марта подняла пальцы, показывая рамку лица. — Улыбка — как знак “всё под контролем”. Вам не нужно сиять. Вам нужно не выглядеть жертвой.

Вера повернула голову к зеркалу.

Сделала попытку улыбнуться.

Получилось криво — как у человека, который держит удар слишком долго.

— Стоп, — Марта подошла ближе. — У вас в глазах злость. Это красиво, но опасно. Злость провоцирует. Вам нужна... нейтральная сила.

— Нейтральная сила? — Вера вскинула взгляд. — Это как? Быть пустой?

— Быть непроницаемой, — поправила Марта. — Это разные вещи.

Вера снова посмотрела на себя.

Непроницаемой.

Она всегда думала, что это её навык. Оказалось — не до конца.

Дверь бесшумно открылась.

Вера не услышала шагов — просто воздух изменился. Как будто в комнате стало меньше места.

Максим вошёл без приветствий. В пальто, с телефоном в руке, и с тем самым лицом, на котором никогда не было лишнего.

Он посмотрел на экран, потом на Веру, потом на Марто.

— Сколько? — спросил он.

— Ещё тридцать минут, — ответила Марта.

— У нас через час звонок с советом, — сухо сказал он. — Её нужно подготовить к тому, что будет.

Вера поднялась сама. Не потому, что так надо, а потому что сидеть при нём снова ощущалось как уступка.

— Я не ваша “её”, — сказала она.

Максим посмотрел на неё спокойно.

— Тогда вы кто?

Вера почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — то же, что щёлкало, когда она видела крючок в договоре.

— Я Вера, — сказала она. — И я человек, которого вы привели в свою войну.

Марта задержала дыхание на секунду, но Максим не отреагировал вспышкой. Он только подошёл ближе.

— Вера, — произнёс он ровно. — Вы уже внутри. Вы можете злиться. Это нормально. Но на публике вы будете выглядеть как человек, который сделал выбор.

— Я сделала вынужденный выбор, — отрезала она.

Максим посмотрел на неё так, будто взвешивал: спорить или принять.

— Тогда на публике вы будете выглядеть как человек, который умеет держать вынужденный выбор с достоинством, — сказал он. — Это ваша сильная сторона. Используйте её.

Марта кивнула — быстро, одобрительно.

— Хорошо, — она повернулась к Вере. — Практика. Максим, ваша рука.

Вера замерла.

Вот оно. Вот тот момент, который она ненавидит заранее.

Максим протянул руку не как мужчина женщине, а как партнёр по сделке партнёру. Ладонь открытая, движение точное.

Вера смотрела на его пальцы и думала: *вот так выглядит контроль — даже в жесте.*

Она положила ладонь на его руку.

Кожа была тёплой. Реальной. Не из бумаги.

И от этого стало ещё хуже.

— Стоп, — сразу сказала Марта. — Вера, вы держитесь так, будто вас заставили.

— Потому что меня заставили, — выдохнула Вера.

— Тогда вы должны делать это так, будто вы согласились, — Марта была беспощадна.

— Чуть выше. Ладонь ровнее. Не сжимайте, как будто хотите убежать.

Вера почувствовала, как в груди поднимается злость. Она подняла глаза на Максима.

— Вам нравится это? — спросила она тихо. — Смотреть, как меня дрессируют?

Максим не отвёл взгляда.

— Мне не нравится, — сказал он. — Но мне нужно, чтобы вы выжили в этом. И чтобы вас не разорвали.

Слова прозвучали слишком честно. Слишком прямо.

Вера на секунду растерялась. От честности всегда труднее защищаться.

Марта хлопнула в ладоши.

— Отлично. Теперь — вопрос. Журналист: “Вера, правда ли, что вы обычная девушка, а Максим — миллиардер? Как вы вообще оказались рядом?”

Вера вдохнула, ощущая руку Максима под своей.

— Я работаю с текстами, — сказала она ровно. — И, как оказалось, тексты приводят к самым неожиданным встречам.

Марта кивнула.

— Лучше. Но вы убегаете в метафору. Проще. Ещё раз.

Вера сжала челюсть.

— Я профессионал, — сказала она. — И Максим — тоже. Мы встретились по работе. Всё остальное — личное.

Марта улыбнулась одними глазами.

— Вот. Это граница.

Максим едва заметно сжал её пальцы — не как знак нежности, а как подтверждение: *так правильно.*

Вера мгновенно захотела выдернуть руку. Но удержалась.

Потому что увидела в зеркале их отражение.

Со стороны они и правда выглядели... логично. Не счастливо. Не романтично. Но цельно. Как пара, которая не обязана нравиться — потому что уже решила.

И от этого стало страшно.

Марта быстро пошла дальше, будто боялась, что Вера успеет подумать и разрушить всё. — “Любите ли вы друг друга?” — она произнесла этот вопрос с лёгкой иронией. — Ответ. Вера замолчала.

Любовь — слово, которое здесь было как запрещённый предмет. Его нельзя держать в руках, чтобы не порезаться.

Максим посмотрел на неё, и взгляд был не холодным — внимательным.

— Вы отвечаете, — сказал он тихо. — И не выглядите виноватой.

Вера выдохнула.

— Я отвечаю: “Мы не обсуждаем это с прессой”, — сказала она.

Марта кивнула.

— Хорошо. Но улыбка. Не “отстаньте”. А “это наше”.

Вера попробовала. Получилось лучше. Сдержанно. Почти красиво.

Марта постучала по столу.

— Всё. Теперь самое неприятное. Тема семьи.

Вера напряглась.

— Не трогайте мою мать, — сказала она сразу.

— Мы и не будем, — Марта подняла ладони. — Но они будут. Понимаете? Спросит кто-нибудь: “Что ваша семья думает?” И вы должны не стать дверью.

Вера посмотрела в зеркало. Снова увидела их руки.

— Я скажу, что моя семья — не публичная часть истории, — сказала она.

— Отлично, — Марта кивнула. — И добавьте: “Я их люблю и защищаю”.

Вера резко повернулась.

— Не надо “люблю” как украшение.

Марта выдержала паузу.

— Тогда скажите “уважаю”. Вам так легче.

Вера кивнула. Да. “Уважаю” — слово, которое не рвёт горло.

Максим отпустил её руку, и Вера тут же почувствовала пустоту в ладони, как будто там остался след тепла. Она злилась на себя за это ощущение.

— Мы закончили? — спросила она.

— Почти, — Марта взяла телефон. — Сейчас я покажу вам, с чем мы действительно играем.

На экране Марты мелькали уведомления, чаты, заголовки. Она нажала на один — и лицо её стало на долю секунды не каменным, а живым. Резким.

— Что? — спросил Максим, мгновенно.

Марта молча повернула экран к ним.

Вера увидела фотографию.

Сначала мозг отказался понять. Просто кадр: ночной свет, ступени, вывеска больницы, человек в куртке... и женщина, которая выходит из дверей.

Эта женщина была она.

С этой же сумкой. С этим же лицом, которое она ненавидела на фото — напряжённым, уставшим, слишком настоящим.

Подпись под кадром была короткой и грязной в своей простоте:

“Будущая миссис Романов? Почему она ночью в больнице?”

Вера почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Это... — она не смогла договорить.

— Это слив, — сказал Максим, и в его голосе исчезла вся нейтральность. Осталась сталь.

— Когда опубликовано?

Марта посмотрела.

— Две минуты назад. Уже разлетается.

Вера не слышала, как бьётся сердце, но видела, как дрожит изображение — потому что дрожала её рука.

— Там... — она сглотнула. — Там мог быть Илья. Его могли снять.

Максим уже набирал номер.

— Без паники, — сказал он резко, но не ей — себе, своей системе. — Алексей, подними службу безопасности. Нина пусть никого не выпускает. Проверить периметр, телефоны персонала — всё.

Вера подняла глаза на Марту.

— Кто это сделал?

Марта смотрела на экран так, будто пыталась увидеть сквозь пиксели лицо врага.

— Тот, кому выгодно, чтобы вы выглядели не “женой”, а проблемой, — сказала она тихо.

— Кто-то следил ещё до договора.

Вера почувствовала, как в груди поднимается страх — не туманом, а ножом.

Следил. Значит, знали про Илью. Значит, знали про её слабое место.

Максим резко повернулся к ней.

— Вы были в больнице на Садовой, — сказал он. Это не вопрос. Это приговор фактам.

— Да, — Вера держалась, как могла. — Брат порезался. И...

— Я знаю, — отрезал он. — Теперь слушайте меня. Никаких звонков. Никаких сообщений брату. Сейчас мы делаем один шаг — и только один.

— Какой? — голос Веры стал хриплым.

Максим посмотрел на неё так, что Вера впервые ощутила не его власть — его страх. Тот, который он прятал под холодом.

— Мы отвечаем первыми, — сказал он. — Иначе вас разорвут на версии.

Марта уже печатала что-то, быстрыми пальцами. Пальцы профессионала, который тушит пожар голыми руками.

— Максим, — она подняла взгляд. — Это точно не случайный папарацци. Кадр снят близко. Значит, кто-то был рядом. И знал, куда смотреть.

Вера почувствовала, как мир сжимается до одного вопроса:

— А серьга... — выдохнула она. — Это тоже часть?

Максим на секунду замер. Лицо стало каменным.

— Не сейчас, — сказал он резко. — Вера, не сейчас.

Вера хотела закричать. Хотела ударить. Хотела вырваться.

Но вместо этого она подняла телефон — и увидела новое уведомление.

Ей пришло сообщение с неизвестного номера.

Короткое.

Без смайлов. Без угроз в открытую. Только факт.

“Фото — разминка. Следующий кадр будет с твоим братом.”

Вера подняла глаза на Максима — и поняла, что впервые за всё время ей по-настоящему страшно.

Не за себя.

За то, что игра уже началась.

Глава 6. Враг с идеальным маникюром

Благотворительность оказалась самым дорогим видом защиты.

— Это “первый выход”, — сказала Марта, будто объявляла старт марафона. — После больницы мы должны показать картинку, которую люди смогут повторять. Не “девушка из ночного приёмника”. А “женщина рядом”.

Вера стояла перед зеркалом и смотрела на себя, как на чужую роль. Платье — тёмное, без лишнего блеска, идеальное по посадке. Волосы — собраны так, чтобы не мешали и не выдавали дрожь в пальцах. На столике — два варианта помады, как два уровня самообладания.

— Я не картинка, — сказала Вера, не глядя на Марту.

— Тогда научитесь быть ею пять минут, — Марта подошла ближе и поправила серьгу. — Ровно столько, сколько нужно, чтобы нас не съели.

Слово “нас” звучало как приговор. Вера вспомнила сообщение: “следующий кадр будет с твоим братом”. В груди снова кольнуло.

— Илья? — спросила она.

Марта не моргнула.

— Под контролем. С ним охрана и адвокат. Телефон — новый номер. Только ваш и мой. И Макса.

— Он знает? — Вера сжала ладонь, чтобы остановить дрожь.

— Макс знает всё, что нужно, — Марта посмотрела строго. — А вам нужно сейчас знать другое: сегодня на вечере будет Ева.

Вера замерла.

— Ева кто?

Марта сделала паузу — редкую роскошь в её речи.

— Ева Ветрова. Лицо. Светская львица. “Друга семьи”. Человек, который умеет улыбаться, как нож. И которого журналисты обожают.

— И она будет там, чтобы... — Вера не закончила.

— Чтобы проверить, насколько вы настоящая, — Марта наклонилась ближе. — И насколько вы удобная.

— Я не буду удобной.

— Отлично, — Марта кивнула. — Будьте опасной. Но тихо. Понимаете?

Вера посмотрела на себя в зеркало и увидела то, чего раньше не замечала: в её глазах не было паники. Была злость — и это правда. Её злость могла стать оружием. Главное — не махать им в воздухе.

Дверь в гардеробную открылась, и воздух изменился — как всегда, когда появлялся Максим.

Он был в смокинге, идеально простом. В этой простоте было больше власти, чем в любом золоте. Он не смотрел на платье. Он смотрел на лицо.

— Готова? — спросил он.

Не “красивая”. Не “тебе идёт”. Только вопрос по задаче.

— Нет, — ответила Вера честно. — Но я поеду.

Марта как по команде подала клатч.

— Рука, — сказала она.

Вера не двигалась секунду — упрямство, как инстинкт. Потом всё же подошла к Максиму и положила ладонь на его руку так, как её учили: не висеть, не отстраняться. Спокойно.

Максим посмотрел на её пальцы и тихо произнёс:

— Если почувствуешь давление — скажи мне одно слово.

— Какое? — Вера подняла взгляд.

— “Хватит”, — сказал он. — И я завершу разговор. С кем угодно.

Её неожиданно ударило не обещание, а простота. Как будто он заранее решил, что в этой системе у неё должна быть кнопка аварийного выхода.

— Хорошо, — сказала она и тут же добавила, чтобы не звучало благодарностью: — Это тоже часть договора?

Его губы едва заметно дрогнули.

— Это часть здравого смысла.

Вечер был устроен так, чтобы люди забывали, что мир жестокий.

Люстры сияли, музыка гладко стекала по залу, шампанское пахло праздником, который никогда не будет твоим. Вера шла рядом с Максимом и чувствовала, как десятки взглядов цепляются за неё, как за новую страницу в любимой книге.

Кто она? Откуда? Почему?

И самый неприятный вопрос — *насколько надолго?*

У входа Марта исчезла в толпе, мгновенно став невидимой. Но Вера знала: она здесь, в каждом взгляде официанта, в каждом охраннике у стены, в каждом журналисте у фотозоны.

Вспышки начали работать сразу.

— Максим! Сюда! — кто-то крикнул.

Максим остановился ровно там, где нужно, и повернулся под правильным углом. Вера почувствовала, как его рука чуть напряглась — сигнал: держи лицо.

Она улыбнулась — не радостно, а спокойно. Как будто её не трясёт внутри.

— Вера, — шепнул Максим, почти не двигая губами. — Дыши.

Она вдохнула и вдруг поняла: это не романтика. Это тактика.

— Максим, правда ли, что вы женитесь? — выкрикнул голос.

— Да, — ответил он без паузы.

— Когда свадьба?

— Скоро, — ровно сказал Максим.

“Скоро” было безопаснее любых дат. И всё же кто-то уже шептал: “две недели”.

Вера услышала это, как удар по спине.

— Вера, вы счастливы? — вопрос прилетел именно ей, с улыбкой, как ловушка.

Она посмотрела в камеру и сказала то, что Марта учила: коротко, спокойно, без оправданий.

— Мы взрослые люди. И мы сделали выбор.

Максим чуть повернул голову к ней. В его взгляде не было похвалы. Но было что-то вроде: *правильно*.

Они прошли дальше, к залу, где собирали пожертвования и улыбались так, будто деньги — это эмоция.

Вера почти расслабилась на секунду, когда услышала мягкий, знакомый по запаху звук — как будто воздух стал сладким.

Сладкие духи.

Те самые, что остались на сереге в холле.

Вера резко остановилась.

Максим вопросительно посмотрел на неё.

— Что? — тихо спросил он.

Вера не ответила. Она повернула голову — и увидела её.

Ева двигалась по залу так, будто сцена принадлежит ей по праву. Светлые волосы гладко уложены, платье — как вторая кожа, улыбка — идеально отмеренная. На запястье — браслет, на пальцах — маникюр, который мог порезать стекло.

Она шла прямо к ним.

И Вера поняла: это не “случайно”. Это запланировано.

Ева остановилась на расстоянии одного вдоха, окинула Веру взглядом сверху вниз — так, как смотрят на новую мебель в чужом доме.

— Максим, — её голос был тёплым, как дорогой шоколад. — Ты наконец перестал быть скучным одиночкой.

Максим не улыбнулся.

— Ева.

Это было не приветствие. Это было обозначение границы.

Ева перевела взгляд на Веру и улыбнулась шире.

— А это и есть... — она сделала паузу, как будто выбирала слово, — Вера?

Вера не опустила глаза.

— Да.

— Как приятно, — Ева протянула руку. Её пальцы были холодными. И лёгкими. Слишком лёгкими, как перчатка.

Вера пожала руку ровно настолько, чтобы не выглядеть грубой.

Ева наклонила голову, словно рассматривала её как интересный эксперимент.

— Вы такая... настоящая, — сказала она. — Это редкость.

Слово “настоящая” прозвучало как “не из нашего круга”.

Вера улыбнулась. Той самой нейтральной силой.

— Спасибо. Я ценю редкости.

Ева чуть прищурилась — заметила укол.

— Максим любит редкости, — сказала она мягко, и это “любит” прозвучало слишком уверенно. — Правда, Максим?

Он посмотрел на неё спокойно.

— Я люблю контроль, Ева.

Ева рассмеялась, будто это шутка, хотя это не было шуткой.

— Ах да, твоя любимая тема. — Она снова повернулась к Вере. — Вера, вы не представляете, какой он... требовательный.

Это было сказано так, будто они вдвоём уже обсуждали его привычки, его вкус, его слабости.

Вера почувствовала, как внутри поднимается волна — желание ударить ответом, поставить на место.

Но рядом стоял Максим. И вокруг — десятки глаз, которые ловили каждую микрореакцию.

Не дай ей сделать из тебя проблему.

Вера вдохнула.

— Я умею работать с требовательными людьми, — сказала она спокойно. — И умею держать границы.

Ева улыбнулась ещё шире.

— Границы... чудесно. — Она чуть наклонилась ближе, будто делилась секретом. — Главное — не перепутать границы с иллюзиями.

Вера почувствовала, как у неё напряглись пальцы на руке Максима.

Максим сделал едва заметный шаг вперёд — так, что оказался чуть ближе к Вере, чем к Еве. Этот сантиметр был громче любой речи.

— Ева, — сказал он ровно. — Ты пришла на благотворительный вечер.

Ева подняла руки в жесте невинности.

— Конечно. Я даже сделала взнос, — она кивнула на табличку с суммами. — Кстати, Максим, не забудь, что наши люди в фонде ждут тебя на сцене.

Она произнесла “наши люди” — как напоминание, что у неё тоже есть влияние. И что она умеет пользоваться связями.

— Мы подойдём, — сказал Максим.

Ева задержалась ещё на секунду, бросив взгляд на Веру — уже не оценивающий, а почти сочувствующий.

— Вера, — сказала она мягко. — Вам тут будет непросто. Но вы держитесь. Это... — она снова сделала паузу, — красивый опыт.

Красивый опыт. Как будто Вера — стажёр в чужой жизни.

Вера улыбнулась.

— У меня богатый опыт выживания. Красота — не обязательна.

В уголках глаз Евы мелькнуло раздражение. Она быстро спрятала его под улыбкой.

— Тогда мы с вами ещё поговорим, — сказала она и плавно ушла, оставив за собой сладкий след духов.

Вера почувствовала, как воздух стал снова её.

Она выдохнула — и только сейчас поняла, что держала дыхание.

— Она всегда такая? — спросила Вера, не глядя на Максима.

— Да, — ответил он. — Всегда идеально вежливая. Всегда с лезвием внутри.

— И она была... — Вера запнулась, вспомнив серьгу. — В твоём доме?

Максим не ответил сразу. Взгляд стал жёстче.

— Не сейчас, — сказал он.

— Это уже второй раз, — тихо сказала Вера. — Ты закрываешь тему, когда она касается женщины.

Максим посмотрел на неё — прямо, без ухода.

— Я закрываю тему, когда она используется как оружие против нас, — сказал он. — Ева именно это и делает.

“Нас” снова ударило в слух. И почему-то... согрело.

Вера хотела сказать, что она не в его “нас” по любви. Что это всё контракт. Но в этот момент к ним подошёл ведущий и попросил Максима подняться на сцену. Камеры снова включились.

— Ты со мной, — тихо сказал Максим.

Это не было просьбой.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось. Сцена. Свет. Взгляды. Ева где-то в зале, как акула в воде.

Но она кивнула.

Они поднялись. Максим говорил коротко: о помощи, о фонде, о важности. Он не был эмоциональным. Но его слушали. Потому что за его голосом стояла власть.

Вера стояла рядом, держала лицо и ловила в толпе движение — Ева медленно пробиралась ближе к сцене, как будто выбирала момент.

Когда Максим закончил, вспышки ударили в лицо. Вера на секунду ослепла от света. И в эту секунду рядом с ней возникла Ева — слишком близко, слишком тихо.

— Улыбайся, — прошептала она почти ласково. — Камеры любят, когда жертва улыбается.

Вера не отступила. Она держала улыбку — ровную, холодную.

Ева посмотрела на неё снизу вверх, как на загадку, которую хочется сломать.

— Ты думаешь, он встал на твою сторону? — прошептала она так, что никто, кроме Веры, не слышал. — Милая... он всегда выбирает то, что выгодно.

Вера почувствовала, как её ладонь снова находит руку Максима — якорь.

Максим слегка повернул голову, будто уловил изменение воздуха, и его взгляд упал на Еву. Он не сказал ни слова. Но в этом взгляде было достаточно, чтобы Ева отступила на полшага.

Ева улыбнулась — идеальной улыбкой победителя.

И наклонилась к Вере ещё ближе, так, что сладкий запах её духов ударил в память.
— Ты временная, — шепнула Ева. — Не путай контракт с жизнью.

Глава 7. Свадьба как пресс-конференция

В день свадьбы Вера проснулась раньше будильника.

Не потому что выпалась. Потому что организм решил: если уж тонуть — то с открытыми глазами.

За окном было бело и тихо. Снег делал город невинным, будто не существовало ни угроз, ни камер, ни чужих духов, оставшихся в доме как предупреждение. Но тишина не обманывала Веру. Тишина просто ждала, когда её нарушат.

Телефон лежал рядом, экран вниз. Как будто так сообщения не смогут добраться.

Но они добились.

Вера перевернула телефон и увидела уведомление от Сергея Павловича — адвоката Ильи. Коротко, сухо, по делу: *«Илья в безопасности. Попытка контакта пресечена. Дальше — через нас.»*

Вера выдохнула. На секунду — на одну короткую секунду — стало легче.

Потом дверь тихо постучали.

— Вера Сергеевна? — голос Нины был аккуратным, как края идеально сложенной простыни. — Можно?

— Да.

Нина вошла с подносом. На подносе — чай, лёгкий завтрак и маленькая коробочка.

— Марта просила, чтобы вы поели, — сказала она. — И чтобы надели это.

Вера посмотрела на коробочку и почувствовала, как внутри поднимается привычная волна: *они опять решают за меня.*

— Что там?

— Серьги, — Нина сказала нейтрально. — Неброские. Для камеры.

— Для камеры... — Вера усмехнулась без радости. — Конечно.

Нина поставила поднос и задержалась на секунду, будто хотела сказать что-то ещё, но передумала. Потом всё же произнесла — тихо, почти по-человечески:

— Сегодня будет много людей. И много взглядов. Не давайте им вас съесть.

Вера подняла глаза.

— Спасибо.

Нина кивнула и вышла, закрыв дверь так же тихо, как открывала. В доме всё происходило без звука, как будто даже двери соблюдали конфиденциальность.

Вера посмотрела в зеркало. Лицо было спокойным, если не знать, куда смотреть. Глаза выдавали.

Свадьба. Сегодня. Как пресс-конференция.

Она вспомнила Еву: «Ты временная». И подумала с холодной ясностью: временная — не значит слабая. Временная — значит опасная, потому что ей нечего терять.

Телефон завибрировал снова. На этот раз — Марта.

— Ты готова? — без приветствия.

— Нет, — честно ответила Вера. — Но я встану и сделаю, как надо.

— Не “как надо”. Как выгодно, — поправила Марта. — И так, чтобы никто не добрался до Ильи. Мы закрыли больницу, убрали хвосты, у тебя новый маршрут, новые номера в телефоне. Но сегодня будет другая атака.

— Какая?

— На твою реакцию, — Марта произнесла это спокойно. — Они не смогут взять тебя фактами. Значит, будут брать эмоциями. Не отдавай эмоции бесплатно.

Вера сглотнула.

— Ева будет?

Пауза в трубке была короткой.

— Скорее всего, — сказала Марта. — Её не приглашали. Но люди вроде Евы не спрашивают приглашений. Они приходят за сценой.

— И что мне делать, если она...

— Дышать, — отрезала Марта. — И помнить слово, которое Макс дал тебе. “Хватит”. Это не слабость. Это кнопка.

Вера молчала секунду.

— Он правда... — она не закончила.

— Он не мягкий, Вера, — голос Марты стал ниже. — Он просто не позволяет трогать то, что считает своим. Сегодня ты — часть его защиты. И часть его риска.

Связь оборвалась.

Вера медленно опустила телефон.

Часть его риска.

Она ненавидела это определение. Но оно было точным.

Свадьба была камерной только на бумаге.

Да, гостей было мало. Пара десятков — не больше. Люди, которых Марта знала поимённо и по слабостям: кто любит поговорить, кто любит фотографировать, кто любит продавать чужие тайны.

Но камер было больше, чем людей.

Площадка выглядела так, будто её строили специально для того, чтобы превращать жизнь в контент: светлый зал, стекло, белые цветы без запаха, аккуратная дорожка, на которой можно идти медленно и красиво. У входа — охрана. Не грубая, не заметная. Просто люди с глазами, которые замечают всё.

Вера стояла в маленькой комнате за залом, где ей поправляли прядь волос и поправляли платье, и слышала приглушённый шум гостей, как море за стеной. Она не видела Максима. Это было правильно. Они должны появиться “вместе”, но не выглядеть как пара, которая перед выходом ругается.

Хотя мы могли бы.

Вера усмехнулась про себя — и тут же оборвала мысль. Сегодня нельзя позволять себе лишнего. Лишнее превращают в заголовки.

Дверь открылась. Вошёл Максим.

Его появление было как смена давления. В комнате стало теснее, хотя он стоял спокойно. Смокинг, строгая линия плеч, взгляд — прямой.

Он посмотрел на Веру так, будто сканировал: держится или вот-вот рухнет.

— Ты в порядке? — спросил он.

Тоже без “ты красивая”. Без попытки сделать это романтичным.

Вера оценила.

— Я в режиме выживания, — ответила она. — Это почти “в порядке”.

Максим чуть кивнул.

— Хорошо. Держись рядом со мной. Если начнётся провокация — говоришь слово.

— “Хватит”, — Вера произнесла его тихо, как пароль.

— Да.

Он подошёл ближе и протянул руку.

Вера посмотрела на его ладонь и вдруг отчётливо вспомнила, как всё начиналось: бумага, ручка, сумма, срок. Она взяла его руку — и почувствовала не холод сделки, а тепло живого человека.

Это было неприятно. Потому что живое сложнее ненавидеть.

— Ты дрожишь, — сказал Максим.

— Не лъсти, — Вера усмехнулась. — Я просто не люблю, когда меня снимают.

— Сегодня тебя будут снимать всегда, — спокойно ответил он. — Привыкай.

— Я не обязана привыкать, — прошептала она, но руку не убрала.

Максим наклонился чуть ближе, так, что его голос стал почти невидимым для других:

— Тогда не привыкай. Просто играй лучше них.

Вера подняла на него взгляд.

— Ты умеешь давать советы.

— Я умею выигрывать, — сказал он. — И тебе придётся этому научиться.

Дверь распахнулась снова, заглянула Марта — идеальная, собранная.

— Пять минут, — сказала она. — Выходите. Улыбка — на двоих. И да, Максим: Ева в зале.

Вера почувствовала, как в груди что-то стукнуло.

Максим не изменился в лице.

— Где?

— Слева от прохода. С ней пара людей из совета. Она пришла не одна, — Марта перевела взгляд на Веру. — Не смотри на неё первой. Пусть она смотрит.

Вера кивнула.

— И ещё, — Марта добавила тихо. — У нас есть попытка входа “постороннего” через службу кейтеринга. Охрана сняла. Но это сигнал: они ищут доступ.

— Кто? — спросила Вера, ощущая, как холод снова возвращается.

Марта посмотрела на Максима.

— Либо Князев. Либо тот, кто за ним.

Максим сжал руку Веры чуть сильнее.

— Выйдем, — сказал он, и это было не приказом, а тем самым холодным спокойствием, которым закрывают страх.

Музыка началась — мягко, правильно, как фон к красивой лжи.

Вера шагнула на дорожку и увидела зал — вспышки, лица, улыбки, дорогие ткани. И среди них — Ева.

Она сидела, как королева, которую забыли пригласить на коронацию. Свет падал на неё так удачно, будто она принесла свой прожектор. Маникюр — безупречный. Взгляд — ласковый.

Идеальная атака.

Ева не улыбалась широко. Она улыбалась так, как улыбаются люди, которые уверены: всё равно будет по-ихнему.

Вера не отвела взгляд. Прошла, не ускоряя шаг, не замедляя. Нейтральная сила. Непроницаемость.

Максим стоял у стойки регистрации. Ровный, собранный. Он смотрел только на Веру.

На секунду Вера поймала странную мысль: *в этом взгляде есть что-то, чего не было в переговорах.* Не нежность. Но... внимание.

Она подошла. Он подал руку — уверенно, спокойно. Как будто это не свадьба, а подпись под сделкой на миллиарды.

Сотрудница, которая регистрировала брак, улыбалась так, будто видела сотни историй и давно перестала верить в “навсегда”.

— Максим Сергеевич Романов, — произнесла она. — Вы согласны вступить в брак с Верой Сергеевной Ларионовой?

— Да, — ответил Максим. Слишком быстро. Слишком уверенно.

В зале щёлкнули камеры.

Вера почувствовала, как воздух стал густым. Всё сжалось до одного слова.

— Вера Сергеевна Ларионова, — сотрудница повернулась к ней. — Вы согласны?

Да — это не согласие. Да — это точка. Это дверь, которая захлопнется.

Вера посмотрела на Максима. Он не подталкивал. Не давил. Он просто смотрел так, будто говорил: *выбор сделан. Теперь — держи его.*

Вера вдохнула.

— Да, — сказала она.

И в этот момент поняла, что “назад” действительно нет. Не потому что нельзя сбежать физически. А потому что всё, что будет после, станет частью её.

Подписи. Кольца. Короткая формальность, которую можно было бы пережить как чужую работу... если бы не вспышки.

Когда сотрудница объявила их мужем и женой, зал вздохнул, как зритель на премьере. Кто-то улыбнулся искренне. Кто-то — из вежливости. Ева улыбалась так, будто слышала прогноз погоды.

Максим наклонился к Вере и тихо произнёс:

— Дыши.

Она кивнула, не доверяя голосу.

И тут же заметила в стороне, ближе к выходу, мужчину в строгом костюме, который не выглядел гостем. Взгляд — цепкий, лицо — спокойное. Он не фотографировал. Он смотрел. Как будто запоминал детали.

Вера почувствовала, как внутри всё напряглось.

Максим тоже заметил. Его взгляд скользнул туда на долю секунды — и вернулся к Вере.

Но челюсть стала жёстче.

Это не случайный.

Банкет был устроен как продолжение церемонии, только с шампанским и улыбками.

Небольшой зал, белые скатерти, музыка, ведущий, который говорил правильные слова, не называя чувства. В центре — они. Два человека, которые должны выглядеть как одно целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.